

КОСТЁР

ИЮНЬ 1980

6

В НОМЕРЕ:

ПЛУГ, КОТОРЫЙ НЕ БОИТСЯ
КАМНЕЙ,

ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ,

ДАМБА ПРЕДОТВРАТИТ
НАВОДНЕНИЯ

КОСТЁР

6

ИЮНЬ

1980

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1980 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Хлебороб очерк А. Моргуна	1
Стихи твоих ровесников	3
Олимпионик историческая повесть В. Михановского	4
Барабан	12
Скрытой камерой рассказ Н. Федорова	14
В редакцию пришло письмо	16
Веселые стихи	17
На краю света из путевого блокнота художника Г. Ковенчука	18
Сердцем и именем поиск юнкоров и следопытов «Костра»	20
Наводнений не будет очерк С. Володина	26
Сказание о Раме, Сите и летающей обезьяне Ханумане древнеиндийский эпос	28
Поговорим о твоём рисунке	34
Горсть бабушкиных дней отрывок из повести Акмурата Широга	35
Морская газета	38
Спортклуб «Кузнечик»	42
Уголек	45
Арчбек	48

НА ОБЛОЖКЕ
РИСУНОК ЖАННЫ ИВАНОВОЙ,
3-Й КЛАСС, ЛЕНИНГРАД

ХЛЕБОРОБ

У колхозных мальчишек Лауринас уже давно и прочно заслужил прозвище «изобретатель». А для их пап и мам он прежде всего комбайнер, Причем лучший в хозяйстве. Уже три года не знает себе равных на жатве, намолачивает на своем комбайне больше всех зерна. И все-таки как рационализатор Альфонсас тоже знаменит. Есть у него завидный и счастливый дар — ладить с техникой, усовершенствовать различные машины.

Вот, например, что он придумал в этом году.

Ранней весной дали Лауринасу бесплатную путевку в дом отдыха.

— Отдохни, Альфонсас, — сказали, — заслужил.

Проводы в поселке были многолюдные и веселые. Только сам Лауринас загрустил.

— Как-то не привык я без дела сидеть, — сказал он. — Да и посевная скоро...

Домой Альфонсас явился через неделю после отъезда. Вид у него был довольный и свежий.

— Наотдыхался, — коротко объяснил он семье свое досрочное появление. И тут же пошел к главному инженеру Пилипавичусу.

Главного инженера он застал в поле. Тот осматривал ломаный плуг.

Представьте себе плуг, вспахивающий землю. Представили?

А земля на этих полях изобилует всевозможными камнями — маленькими и большими. Причем они, как мины, — не на поверхности, а присыпаны. Натывается плуг на такой камень и ломается. Беда просто была в колхозе с этими плугами — чаще ремонтируют, чем пашут.

Лауринас сказал:

— Я придумал, как нашей беде помочь. — Нагнулся и стал показывать. — К каждому плугу вот сюда присоединим гидравлический цилиндр. Встретится теперь на пути плуга препятствие — моментально сработает автоматика: гидравлический цилиндр приподымет плуг, и его зубья пройдут над замаскировавшимся камнем.

— Ай да голова! — обрадовался главный инженер.

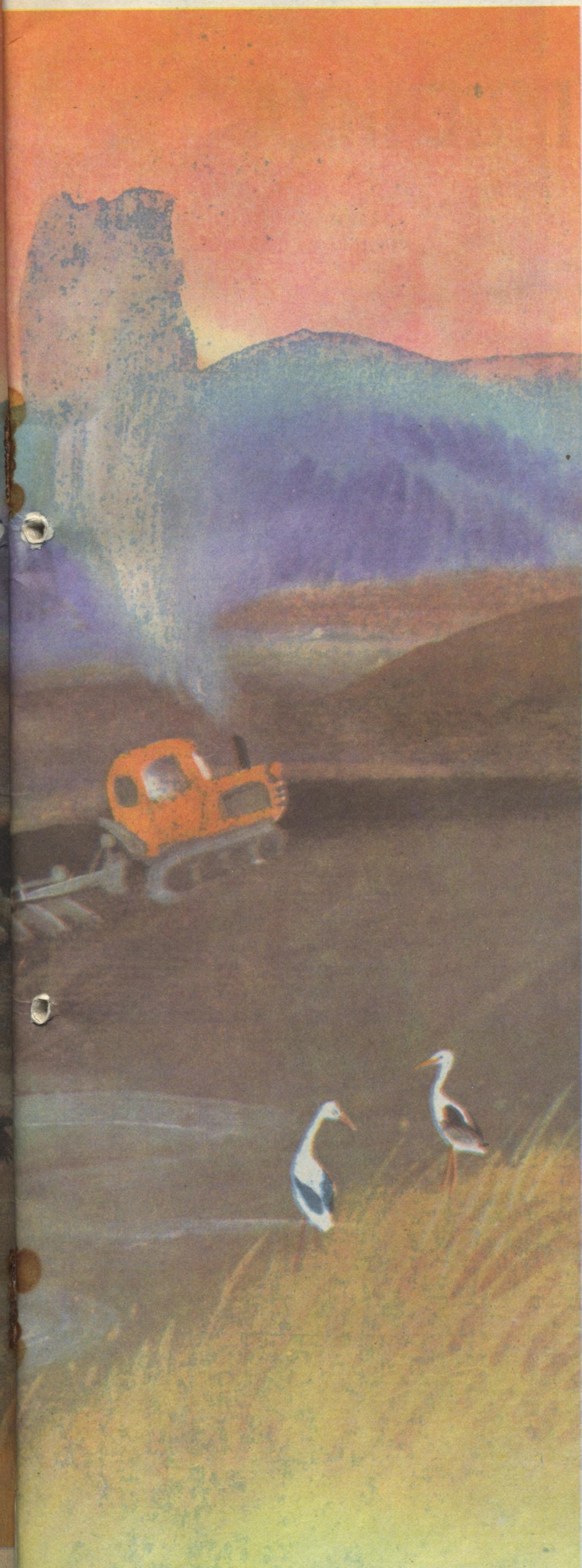
Принялся Альфонсас новинку делать. Сколько на это потратил времени — трудно сосчитать. Случалось ему ошибаться, но он начинал все сначала. Будь на его месте человек нетерпеливый, неуверенный в себе, — давно бы бросил эту рационализацию. А Лауринас продолжал. И только сам себе приговаривал:

— Если сильно захотеть — все получится.

Знали товарищи, что эту присказку он вспоминает только тогда, когда трудное дело у него, когда что-то не получается.

И переупрямил Альфонсас работу. Удалась она!

Тысячи рублей сэкономил таким образом Альфонсас своему колхозу. Да и не только ему. И в соседних колхозах его опыт взяли на вооружение.

Приехали из соседних колхозов, удивленно посмотрели, как Лауринас без страха пашет каменистое поле, и решили сделать у себя такие же плуги.

Вывел Лауринас свой трактор в поле, а тут как на зло ливень пошел, земля стала вязкой и непроходимой. Пришлось сделать вынужденную переменку. Сидел Альфонсас грустный и задумчивый.

— О чем мечтаешь? — спросили его товарищи.

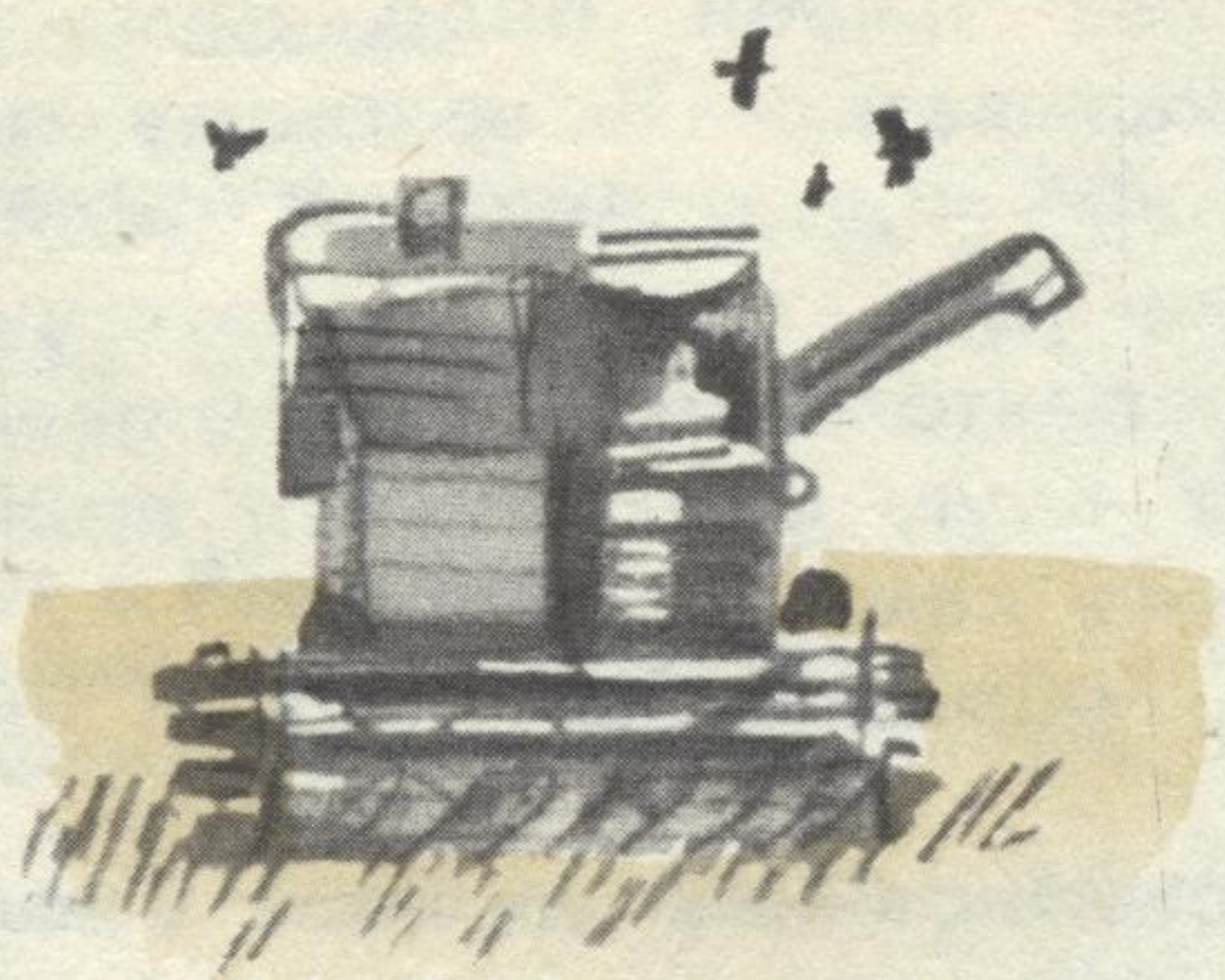
— Думаю. Старший сын Альбертас уже заканчивает сельское профтехучилище. Его ждет родной колхоз. Средний сын, десятиклассник Пятрас, — даже во сне видит себя агрономом. Только вот за младшую дочку Расу ручаться пока рано, она всего в третьем классе...

Трактористы поругали погоду, а потом по-дружески, с улыбкой попросили Лауринаса:

— Альфонсас, ты же все можешь. Ну что тебе стоит — сделай так, чтобы завтра было солнце.

Лауринас весело откликнулся:

- Очень надо?
- Еще как!
- Значит сделаем!

А поутру — верьте — не верьте — на безоблачном небе действительно встало яркое солнце. И, забыв о вчерашних шутках, Лауринас и его друзья поспешили в поле. Погода пришла — самое время сеять хлеб.

Алексей МОРГУН
Расейняйский район
Литовской ССР

Рисунки В. Топкова

„ПИОНЕРСТРОЙ“

НАША ПШЕНИЦА

Лето у нас на Алтае не хуже, чем в Крыму. И солнечных дней не меньше. А осень короткая. Вот мы и решили создать такой сорт пшеницы, чтобы не боялась она ни ветра, ни града, ни осеннего ненастья, и чтобы колос был налитой, и чтобы пшеница эта была урожайной, а хлеб из нее вкусный, пышный да душистый...

Взяли четыре сорта пшеницы — Кандиканс, Мироновскую, 56-ю и Безостую-1. Сорок дней яровизировали. Высеяли. Сняли урожай. На следующий год яровизировали двадцать дней, а на третий год посеяли как яровую... Ждем. Наконец взошли все сорта. Опять ждем. Настало время кушения. Волнуемся — что же дальше? А пшеница ведет себя странно, словно неможется ей. В трубку вышла только Безостая-1.

Наше волнение нарастает: ведь время идет. Заколосится ли наша пшеничка?.. Пришла пора цветения — отцвела. И заколосилась. А колос-то какой! Колосище! Урожайность нашей пшеницы — 31 центнер. Назвали мы свою пшеницу Черемновская юбилейная, в честь нашего села Черемное.

Теперь эта пшеница растет на колхозных полях.

Все специалисты совхоза «Стуковский» — от главного инженера до главного агронома — прошли школу нашей «Малой Тимирязевки». Почти

тридцать лет в Черемновской средней школе действует наша Малая сельскохозяйственная академия. Скоро мы будем праздновать свой юбилей.

Чем мы сейчас занимаемся?.. Нужно, например, совхозу определить состав почвы — обращаются к нам. Мы не только состав почвы определим, но и установим химический состав сока растений, выясним, чего растениям не хватает, порекомендуем, какие именно внести удобрения.

Всей нашей работой руководит академик Николай Васильевич Цицин, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. По его заданию мы два года испытывали на своем участке пшенично-пырейные гибриды. Из восьми сортов лучшим оказался Грекум-114. Этот сорт яровой пшеницы очень хорошо чувствует себя на Алтае.

Нам помогают и другие ученые селекционеры. Например, профессор Виктор Евграфович Писарев, доктор сельскохозяйственных наук Валентина Николаевна Мамонтова.

По просьбе Челябинского института электрификации и механизации сельского хозяйства мы провели опыт с яровой пшеницей по улучшению ее урожайности. Алтайский сельскохозяйственный институт поручил нам сложный опыт с сахарной свеклой.

И тыквы на пришкольном участке замечательные!

Наша ученическая производственная бригада — лауреат премии Ленинского комсомола. О ее делах знают не только на Алтае. Мы награждены памятной медалью И. В. Мичурина, почетными грамотами Министерства сельского хозяйства РСФСР.

Школа наша является постоянным участником ВДНХ.

Валя СЕЛИНА, бригадир,
Женя ТАРАСОВ, помощник бригадира
Черемновская средняя школа
Алтайского края

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

РОДИНА МОЯ

Вижу рожь высокую,
Жаворонка слышу,
Солнца зайчик пробежал
По железной крыше.
В речке водят хоровод
Рыбки золотые.
А в лугах поднялись в рост
Травы наливные.
Много интересного
Замечаю я,
Это все — чудесная
Родина моя.

Лена Азикова,
6-й класс,
пос. Керженец
Горьковской обл.

Рисунок В. Нефедовича

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Дяткиной

ПОБЕГ ИЗ АГЕЛЫ

Лес становился все гуще, и все яростнее хлестали ветки по разгоряченному потному лицу, но Тилон продолжал бежать, не смея остановиться, чтобы отдышаться и передохнуть.

Еще утром он был счастливым человеком, таким же, как все его сверстники в агеле*, и, просыпаясь, он с радостью думал о предстоящем дне. Как и вчера, они будут сражаться на деревянных мечах, и опытный воин — педотриб Акрисий,

*Агела — «кучка». В Спарте детей с семи лет отрывали от родителей, собирали в агелы и до 18 лет они обязаны были жить вместе.

наставник агелы, будет учить их наносить мгновенные удары или парировать их с помощью небольшого круглого щита.

— Помните, — скажет педотриб, — вы — спартанцы, потомки Геракла. Честь героя и Спарты на острие ваших мечей. — И это будет самая длинная речь, произнесенная им в течение дня: сыны Лаконики всегда говорили кратко.

Учитель мог и не напоминать эту истину своим ученикам — каждый спартанец с раннего детства знал ее, как и то, что Спарта жила, живет и будет жить по законам царя Ликурга, которым научил царя сам бог Аполлон.

Законы эти были просты и суровы. «Общиной равных» назвал Ликург Спарту, запретив при

возведении жилища пользоваться каким-либо инструментом, кроме топора и пилы, поэтому дома царей не отличались от домов простых спартанцев. Поэтому цари должны были обедать за общим столом вместе с другими членами общины. И когда однажды царь Агис, вернувшийся после удачного похода в Аттику, потребовал, чтобы еду ему доставили в дом, полемархи отказали царю в этом его желании.

«Народу пусть принадлежит власть и сила», — так сказал Ликург, поэтому каждое из девяти тысяч спартанских семейств имело свои семейные наделы — клеры, на которых работали илоты.

Бредущего по дороге илота можно было узнать и за десять стадий по одной только осанке. К старости все они имели сутулые плечи и некрасивые жилистые руки. Их фигуры были уродливы, коренастые крестьянские фигуры, созданные богами для того, чтобы ходить за волами, пахать землю, сеять зерно, давить виноград, пасти овец.

Спартанцы были высоки и стройны. И иначе не могло быть в общине, которая жила по законам самого Аполлона. Олимпийский бог красоты потребовал, чтобы отец каждого новорожденного приносил своего ребенка в Лесху — место, где сидели старики. Если ребенок был слаб или уродлив, то его кидали в пропасть возле Тайгета. Здоровых детей поручали кормилицам. В семь лет мальчиков собирали в агелы и отныне их наставниками становились педотрибы. Теперь ребята и спали и ели вместе, вместе играли и занимались спортом.

В тринадцать лет всех мальчиков остригали наголо. Тилон помнил, как педотриб Акрисий протянул ему плащ, уже поношенный плащ, который раньше носил какой-то мальчик, а теперь в течение года должен носить Тилон. Плащ и набедренная повязка — вот и вся одежда. В зной и в стужу, в дождь и в ветер, днем и ночью этот плащ станет служить ему и одеждой, и одеялом, и палаткой. Но Тилон не жаловался. Так было всегда в Спарте и так будет. Иначе кожа спартанца будет чувствительна к холоду и зною, иначе в военных походах его подстерегут болезни.

Ликург, следуя советам Аполлона, подумал не только о мальчиках, но и о девочках. Так же, как и мальчики, девочки с самого раннего детства должны были бегать, бороться, бросать диск, метать копье. Если спартанцы обликом своим обязаны были походить на Аполлона, то спартанки — на его сестру, богиню охоты Артемиду. И так оно и было.

Тилон любил свою Спарту и гордился ею, любил плодородные долины вдоль реки Эврот, горные хребты, синеющие невдалеке, обрывистые угрюмые берега Лаконики. Такой была страна мужественных, отважных, немногословных воинов.

Таким же сильным, выносливым, смелым должен был стать и он — Тилон, сын Тимарха. Он уже пользовался славой самого сильного и ловкого в агеле. Он быстрее всех бегал, дальше всех прыгал и лучше всех фехтовал на мечах, и ему казалось, что строгий, придирчивый педотриб им доволен.

Да, ему так казалось до сегодняшнего дня. Но сегодня этот властный человек с холодным взглядом заставил его драться с Филлионом, самым близким и лучшим другом. Филлион не был так высок, как Тилон, и в плечах был поуже, но во всей агеле не было парня добрее Филлиона. Сколько раз предводитель агелы — ирэн при всех презрительно обзывал Филлиона обидными словами, но в ответ Филлион улыбался, и взгляд его карих глаз оставался таким же добрым, как и прежде. До него словно бы не доходили слова ирэна, но зато смысл этих слов хорошо понимали те, кто хотел выслужиться перед Акрисием. Если бы не Тилон с его силой, бесстрашием и ловкостью, они давно бы превратили Филлиона в козла отпущения. Они бы издевались над ним и презирали бы его, но они боялись Тилона, и Тилон знал это.

Но вот сегодня педотриб Акрисий вдруг приказал друзьям выйти из строя. Они вышли, еще ничего не понимая, не догадываясь, что последует дальше, вышли и стали рядом, вопросительно глядя на своего наставника, и вдруг увидели, что тот улыбается.

— Хочу узнать, кто из вас проворнее, — проговорил Акрисий. — Хочу проверить, чьи кулаки крепче. — Он опять улыбнулся. — Начинайте по моему хлопку.

Филлион моргал, не зная верить ли учителю. Но Тилон сразу понял, что он не шутит.

Раздался хлопок, но друзья не сдвинулись с места. И тогда педотриб, схватив Филлиона за шею, словно щенка, кинул его на Тилона.

— Докажите же, что вы спартанцы, — процедил он сквозь зубы.

Слово Акрисия было законом для каждого в агеле. За первое слушание полагались розги. За второе... Об этом лучше было не думать.

Оттолкнув Филлиона, Тилон стал в позу кулачного бойца. Он не сомневался, что Филлион тоже уже понял, что иного выхода у них все равно нет.

Да, Филлион это тоже понял. Выставив вперед левое плечо, друзья стали сходитьсь. «Пусть он ударит меня первым», — думал Тилон, но видно и Филлион хотел того же, поэтому они топтались друг возле друга, не нанося ударов, и тогда агела засвистела. Тилон вздрогнул и, сжав зубы, нанес первый удар...

Что было потом, Тилон помнил плохо. Сначала они с Филлионом щадили друг друга. И удары их были не сильны и не точны. Но затем вошли в раж. Филлион хорошо увертывался от ударов, но все-таки не увернулся. Этот момент Тилон запомнил. Запомнил, как его кулак наткнулся на что-то твердое. Филлион охнул, покачнулся и рухнул на вытопанную землю плаца.

Тилон бросился к другу. Он наклонился, собираясь поднять друга, но сильная рука Акрисия сдвинула плечо.

— Назад!.. Эй! — крикнул он. — Поднимите Филлиона и поставьте его на ноги, бой еще не закончен!

Двое особенно расторопных бросились к Филлиону и поставили его на ноги. И тут Тилон

увидел лицо своего друга. Разбитое, окровавленное лицо. Филлион открыл уже успевшие оплыть глаза, и в глазах этих Тилон впервые прочитал тоску. Так смотрят на охотников загнанные косули.

— Сходитесь! — властно крикнул Акрисий и хлопнул в ладоши.

И тогда Тилон попятился.

— Назад! — крикнул Акрисий.

Тилон остановился.

— Ты будешь драться! — прошептал педотриб. — Я заставлю тебя драться.

Тилон снова взглянул на Филлиона и помотал головой. Он не сразу понял, что Акрисий приказал его схватить, но когда двое его товарищей приблизились к нему, чтобы схватить его за руки, он сделал то, чему в течение долгих лет учили его в агеле. Расслабившись, он сделал вид, что поддается, а затем одним быстрым движением рук столкнул противников лбами.

Крик восхищения и ужаса сказал Тилону, что теперь пощады не будет. Закапанный кровью алтарь в храме Артемиды ждал его. На этом алтаре всегда секли тех, кто выказал неповиновение. Секли до бесчувствия, чаще всего до смерти.

Вздернув голову, Тилон дерзко взглянул на педотриба.

— Тебе не удалось заставить меня сделать то, чего я не желаю делать! — громко крикнул он. — Но боги милостивы, и мой путь на алтарь Артемиды не будет таким кратким, каким ты себе это представляешь.

С этими словами Тилон повернулся и побежал по тропе, которая за лагерем круто уходила в гору. На этой тропе его никто не мог догнать — так уже было не раз, и педотриб, и ирэн хорошо это знали.

Солнце стояло высоко в зените, когда Тилон решил наконец остановиться. Он свалился обессиленный на лужайке, поросшей ярко-алыми цветами. Сердце бешено колотилось, перед глазами плыли круги. Лесные птицы, умолкшие было при появлении незваного гостя, постепенно успокоились и снова принялись за свои бесконечные песнопения.

«Немного отдохну и побегу дальше, — думал Тилон. — Могут устроить погоню. Акрисий наверняка не успокоится: ведь и ему за мое бегство из агелы грозит суровое наказание».

Очень хотелось есть. Тилон собрал с кустов немного ягод, запил их водой из родничка.

После привала не то что бежать — идти было тяжело. Тело налилось свинцом, все время клонило в сон. К тому же и солнце припекало — даже кроны деревьев не давали полной тени. И все-таки Тилон продолжал двигаться. Однажды ему показалось, что издали донесся собачий лай. Он приостановился, прислушался, но лай не повторился. «Почудилось», — подумал Тилон.

Только сейчас он всерьез задумался, на что обрек себя своим бегством. Он теперь изгой. Гонцы в селениях объявят его приметы. За ним

будут охотиться, как за диким зверем. Выход один — бежать из Спарты. Греция, хвала Зевсу, велика. Да и на Греции одной свет клином не сошелся. Филлион рассказывал о далеких заморских государствах, где все диковинно и необычно, где даже псоглавцы обитают. Но лучше уж люди с песьими головами, чем возвращение в агелу.

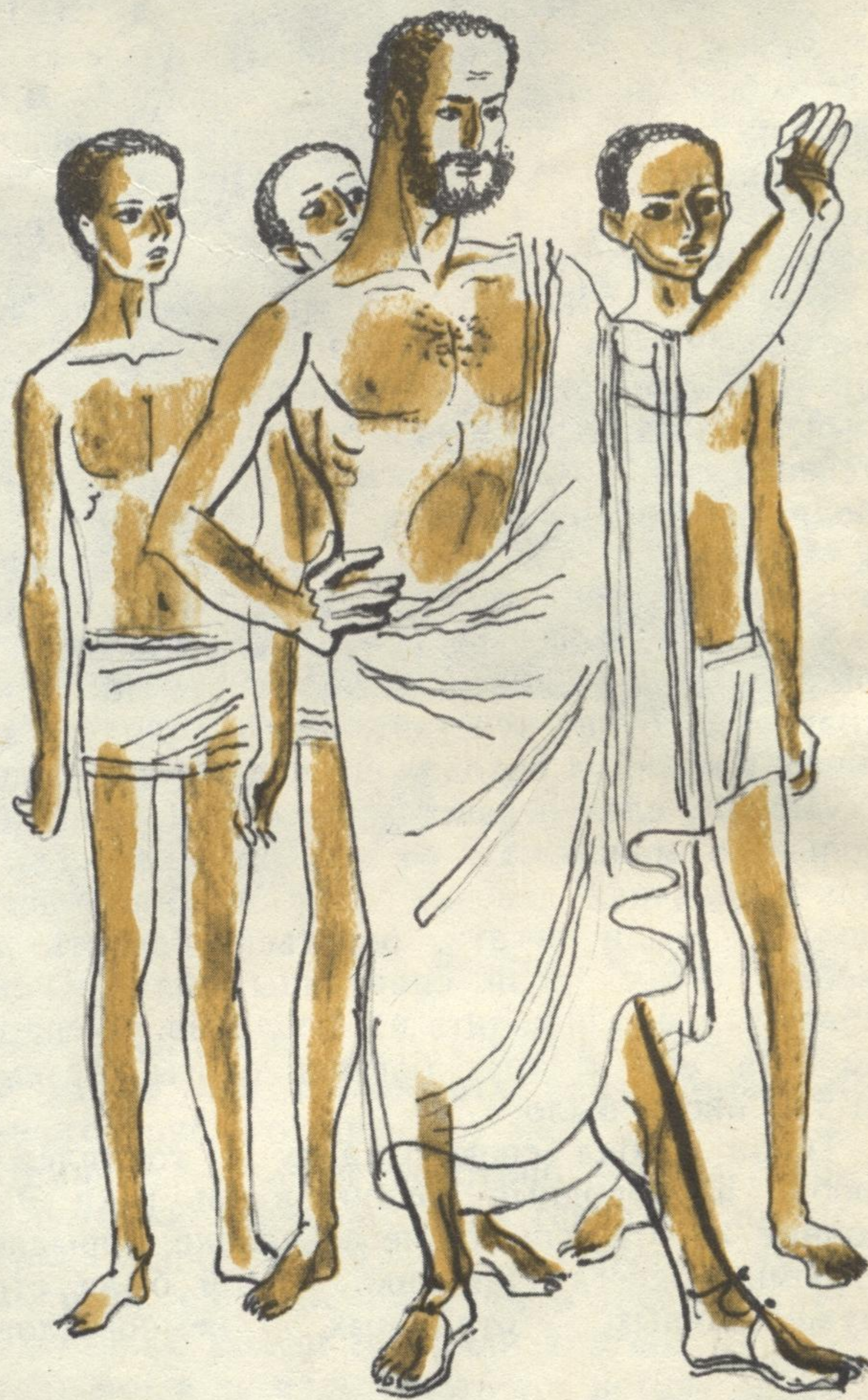
Бежать! Легко сказать. Но куда? И как?

Сон сморил Тилона неожиданно. Споткнувшись, он решил несколько минут отдохнуть на траве, однако коварный Морфей тут же смежил его веки.

Когда Тилон проснулся, вечерело. Открыв глаза, он не мог сразу сообразить, как очутился в лесу. Затем припомнил все и со стоном поднялся. Потер синяк под глазом, вздохнул и снова двинулся в путь.

ХИЖИНА В ГОРАХ

Он шел день, и если останавливался, то только затем, чтобы нарвать ягод. Кусты боярышника, барбариса, терна часто попадались на его пути,

но, обрывая ягоды, он не ломал веток и не рвал все подряд, чтобы не оставить следов. Этому учил их педотриб. Он учил их незаметно подкрадываться к лагерю противника, бесшумно ходить,

прыгать с деревьев и скал. Он учил их находить съедобные ягоды и корни, ловить в ручьях рыбу и делать силки для птиц, потому что все это могло пригодиться спартанцу в походах.

Ночью Тилон спал, зарывшись в прошлогодних листьях. Плащ остался в лагере, но закаленное тело не страдало от холода. Проснувшись на рассвете, он растирал тело росистой травой до тех пор, пока кожа не становилась красной. Тепло разливалось по всему телу, и возвращалась бодрость.

Конечно, он мог развести костер — Акрисий научил их и этому, но Тилон не рисковал, зная, как далеко в горах виден отблеск костра.

На третий день ближе к вечеру он уловил запах дыма и понял, что где-то неподалеку находится человеческое жилище. Теперь нужно было быть особенно внимательным. Поэтому он взобрался на раскидистую корявую сосну, которая возвышалась над можжевельным лесом, и, оглядевшись, увидел едва заметную струйку дыма.

«Наверное, здесь живут пастухи», — подумал Тилон и невольно проглотил слюну. Только теперь он понял, как ему хочется съесть кусок горячего мяса. «У них есть сыр, большие круглые головки белого козьего сыра, — думал он, спускаясь на землю. — И жесткие лепешки. И парное пахучее козье молоко...»

В агеле их никогда не кормили досыта. Часто весь обед состоял из куска сыра и лепешки. Еду добывали воровством. Одни уходили трясти сады, другие крутились возле сисситий*, чтобы хитро-

стью стащить с общественного стола кусок вяленого или вареного мяса, лепешку, фрукты... Попавшегося тут же били плетью. Воровать не запрещалось, запрещалось попадаться.

Головка сыра и несколько лепешек могли на несколько дней избавить его от забот. «Ночью, — подумал он, пробираясь вдоль опушки, — я попробую в амбар...»

Амбар стоял возле небольшой хижины. Дом, слава Гермесу, не был огорожен. Загон для коз пока был пуст. Тилон залег под густое и раскидистое можжевельное дерево и стал ждать.

Летящая под гору колесница Гелиоса уже достигла верхушек деревьев, когда Тилон увидел девушку в коротком хитоне. Рядом с ней, радостно повизгивая, крутилась огромная лохматая собака и, если бы не сильный запах можжевельной хвои, пес непременно бы учуял человека. Тилон подумал об этом и еще о том, что ему не следует ждать ночи, надо действовать сейчас, пока девушка с собакой собирают пасущихся на склоне горы коз.

«Кажется, пора», — подумал он и, спрячась за деревьями, стал приближаться к сараю. Кто-то ведь должен был остаться в доме. Тилон не сомневался, что это так, но его уже ничто не останавливало. В десяти шагах от него лежали пахучие головки сыра и сухие лепешки, которые стоило только побрызгать водой, как они становились мягкими. Он представил себе, как отломит кусок сыра, завернет его в мягкую лепешку и будет есть, растягивая удовольствие.

Молнией преодолев пустое пространство, он оказался за сараем. Оставалось совсем немного — обогнуть сарай и незаметно проскользнуть в дверь, когда чуткое ухо уловило голос. Тилон замер и прислушался.

«Вот он, смотри, Феогнет, победитель в Олимпии, мальчик, столь же прекрасный на вид, как и искусный в борьбе...» — донеслось до него. Голос, читающий стихи, был глух, но Тилон разбирал каждое слово. Божественный гекзаметр — язык поэтов. Почему он звучал в горах, на пороге бедной хижины? Ведь редкий из спартанцев знал стихи поэтов, илоты не знали и знать не могли — они были неграмотны. В гимнасии Тилона учили грамоте, и он мог читать и писать, как и все другие в агеле, но и только.

Так кто же мог читать стихи?..

Неслышно ступая, Тилон обогнул сарай и, прижимаясь к серой каменной стене, выглянул. Он увидел лежанку, на которой, укрывшись пастушечьим плащом, лежал старик.

— Послушай, юноша...

Тилон вздрогнул — старик, несомненно, обращался к нему.

— Не прячься, — проговорил старик. — Верно, тебя привели в мой дом жажда и голод, выходи, и я накормлю тебя.

Тилон пересек двор и остановился перед стариком. Синие, совсем еще молодые глаза смотрели

*Сисситии — общественные обеды. В Спарте каждая семья обязана была сдавать продукты. Обедали только общинами.

на него так, словно уже все знали о Тилоне. Синие глаза на коричневом и морщинистом, как кора, лице.

— Иди в сарай и ты найдешь там все, что ты хотел. Звук родника подскажет тебе, где взять воду.

Пока Тилон пересекал двор и потом, когда он сидел у родника и жевал пищу, он чувствовал, что старик за ним наблюдает.

Тилон смотрел на облако. Одинокое, розовое облако на вечернем небосклоне. Хижина стояла на самом краю серой скалы. Внизу лежала долина, пятнистая от виноградников и хлебных полей. Потемневшей на солнце костью вдоль дороги вытянулось селение илотов — дома, амбары, хлевы...

Пора было отправляться дальше.

Тилон встал и подошел к старику.

— Я не забуду вашей доброты, — проговорил он.

— Ты можешь взять все, что тебе нужно в дорогу, — проговорил старик. — Путь у тебя дальний и тебе нужна еда... Но ты можешь никуда не уходить... Ты первый мой гость за три года, тебя не станут здесь искать.

Тилон вздрогнул.

— Меня зовут Пелоп, — проговорил старик. — Я родом из Афин. Тридцать лет тому назад афинский суд приговорил меня к пожизненному изгнанию.

— За что? — вырвалось у Тилона.

— То, что я скажу, будет непонятно спартанцу, — Пелоп усмехнулся. — Я был против войны, которую навязали Афинам наши торговцы. Им нужны были новые рынки, и они считали, что долг сограждан помочь им в этом. А у меня, юноша, была другая точка зрения. Поэтому я оказался здесь. Жизнь нищего периека* никому не нужна — так я обрел покой и истинную свободу.

Тилон медлил с ответом. Он стоял, не зная, на что решиться. Идти, но куда?.. Спрятаться в доме периека, чтобы вместе со стариком и девочкой пасти коз словно простой илот?..

— Я знаю, что тебя беспокоит, — проговорил Пелоп, — но в мире есть истины, которые тебе еще неизвестны. И одна из них та, из-за которой ты нарушил обычаи Спарты.

— Разве тебе введома моя жизнь? — удивился Тилон.

— Мне введома жизнь Спарты, — ответил Пелоп.

КРИПТИЯ

В этот год лето выдалось в особенности жарким. Когда Пелоп смотрел на долину, взгляд его омрачался, и он говорил о засухе.

...Тилона засуха не волновала. Чаще всего его взгляд задерживался на тонкой фигуре Гидоны, и в тот же миг сердце сжималось от какой-то

*Периеки — «живущие вокруг», т. е. люди, живущие на окраинах Спарты. Периеки были лично свободны, но правами не обладали. Обязаны были платить дань спартанской общине.

смутной тоски. Тилон не понимал, что с ним. Вот уже третий год он жил в доме Пелопа, и всегда Гидона была ему все равно, что сестра. Почему же теперь сжималось сердце и словно останавливалась кровь, стоило только им встретиться взглядом или коснуться руками?..

За это время Тилон еще больше вырос и раздался в плечах. Ему ничего не стоило принести с охоты убитую стрелой лань, поразить копьем вепря, разрубить сосну на короткие, пахнущие смолой поленья. Преследуя косулю, он порой пробегал не менее пятидесяти стадий. Приходилось прыгать и через заросли колючего кустарника и через расщелины.

Несколько раз в год — весной и осенью — Тилон набивал плетеные корзины головками сыра и вяленным мясом, нагружал их на осла и провожал Гидону до тропы, она спускалась в долину, чтобы отдать полагающуюся дань или обменять сыр и мясо на зерно.

Зимой выпадал снег, и уже никто никогда не поднимался в горы. Летом, случалось, мимо проходили пастухи или охотники, и в таких случаях Тилон прятался в сарае или в пещере. Чтобы попасть в пещеру, нужно было преодолеть глубокую расщелину, балансируя на бревне. Пелоп показал место, где нужно положить бревно, и ствол сосны повис над пропастью, незаметный для любопытных глаз.

Время, свободное от трудов и охоты, Тилон проводил в беседах с Пелопом. Далеко не сразу он стал понимать то, о чем хотел ему поведать Пелоп. Но Пелоп не сердился. Он понимал, что иначе и не могло быть. Жизнь в агеле с ее законами, нравами и обычаями сделала свое дело — Тилон был физически силен, строен, вынослив, честен, прям, по-спартански сдержан, но он никогда не держал в руках папирусов, его руки не касались кифары, и душа его никогда не внимала божественным словам Гомера. И, глядя на Тилона, Пелоп думал: «Спартанцы — большие мастера творить совершенные сосуды, но если их не наполнить вином познания, они остаются пустыми».

В Афинах, на родине Пелопа, все было иначе. Девочек там принято было воспитывать женственными и нежными, мальчики одновременно посещали три школы: грамматическую, музыкальную и гимнастическую. Достигнув шестнадцати лет, афинские юноши обретали право посещать народные собрания, суды, дискуссии, театры, поэтические и музыкальные состязания. В восемнадцать лет на агоре* в торжественной обстановке юноши приносили присягу, и одновременно с правом именоваться свободным гражданином Афин они из рук стратега получали экипировку воина. Затем в течение двух лет они в лагерях осваивали тактику и технику ведения боя и несли сторожевую службу на границах Афинского государства.

Тилона уже поздно было обучать музыке, но открыть ему глаза на красоту мира, пробудить в душе его способность ощущать счастье, научить юношу мыслить — это еще не поздно.

* Агора — главная площадь

День за днем он рассказывал Тилону свою жизнь. Но не свою биографию пересказывал он — что толку в этой биографии?! Нет, не перечислением дат своей жизни и имен людей, встречавшихся ему, нагружал он память Тилона. Жизнь для Пелопа — это в первую очередь было познание мира, людей и самого себя. Познание это было долгим и сложным, поэтому долгими были его рассказы. Порою начатые после полудня они заканчивались, когда черное небо становилось светлее от пролитого Зевсом молока.

Наконец, Пелоп вставал и уходил в хижину, где уже давно спала Гидона, а Тилон вытягивался на соломенной лежанке и перед тем, как уснуть, смотрел в небо. Мерцали звезды. В конце лета некоторые из них внезапно вспыхивали и сгорали. «Это боги играют», — думал Тилон. И ему становилось и радостно и страшно одновременно от

того, что он видит игры олимпийских небожителей. Он знал, что боги невидимы, и смертным являются только тогда, когда сами этого хотят.

Весть о криптии принесли илоты. Накануне была гроза. Зевс бушевал весь день и всю ночь, швырялся молниями и обрушивал на землю водопады дождя.

— То, что не довершила засуха, смывает поток, — глядя на закрытую дождем долину, произнес Пелоп. И лицо его было озабоченным.

Тилон не задавал вопросов. Он не спрашивал, почему так встревожен Пелоп. Он не спрашивал, почему и когда в его доме появилась Гидона. Если Пелоп захочет, он скажет сам. Но тревога старика передалась и ему. Что-то должно было случиться...

Первую, еще немногочисленную группу илотов он увидел через день после того, как кончилась

гроза. Озираясь, мужчины поднимались в горы. Он пересчитал их. Пять крестьян, одетых в овечьи шкуры. Об этом нужно было сообщить Пелопу.

Брови Пелопа сошлись на переносице.

— Криптия, — тихо произнес он. — Я ожидал ее.

Тилону не требовалось объяснять, что такое криптия. Криптия — охота на илотов. Ее проводили те агелы, которые уже получили право носить боевое оружие. Вечером агела входила в селение и прочесывала дома. Каждого не вернувшегося к этому часу илота ждала смерть.

Тилон никогда раньше не задумывался над тем, нужно ли убивать илотов. Раз убивали, значит так было нужно. И будь он сейчас в агеле, то не задумываясь обогрел бы и свой меч человеческой кровью. Он обязан был бы сразиться и тех перепуганных крестьян, которые убегали в горы.

Тилон ощутил, как легкая рука Пелопа легла ему на плечо. И, взглянув на старика, он опять увидел мудрые, все понимающие глаза.

— Я ждал криптии, — повторил Пелоп, — потому что была засуха, а затем ливень. В этом году будет мало хлеба. А илотов много, и они должны есть. Да, Тилон, каждый из них человек, а каждый человек хочет есть. Но когда они отдадут положенную дань твоим сородичам, они будут обречены на голод. Голод и смерть детей замутят их рассудок, и они восстанут. Во всей Лаконике всего девять тысяч спартанских семейств, илотов же более ста тысяч! Отряды восставших разольются по всей стране, как потоки, вырвавшиеся из горного озера, и вернуть их в свои берега будет непросто даже спартамцам. И гоплиты это знают лучше, чем мы с тобой. На этот раз криптия, которую задумали они, будет особенно жестокой, потому что на этот раз под ударами мечей падут не только мужчины, но женщины и дети... Я не говорил тебе раньше, но сейчас скажу: Гидона — дочь илотов. Я нашел ее в лесу после криптии рядом с зарубленными родителями. Девочке было не больше трех лет. Она еще не знала, что такое смерть, и ей казалось, что ее родители просто уснули. Но она хотела есть, и она стала будить мать...

— Значит законы Ликурга не так прекрасны, как мы считаем?

— Ты уже сам ответил на этот вопрос, — проговорил Пелоп, — в тот день, когда убежал из агелы. Но раньше ты бы не понял, что твой поступок был вызовом этим законам. Педотриб хотел убить в тебе человека, но ты защитил человека и поэтому остался человеком. Те же твои товарищи, кто в долине сейчас убивает илотов, творят сами не ведая что... Так кто же виноват — они или обычаи Спарты?

— Обычаи, — прошептал Тилон.

Веки Пелопа опустились, но когда они снова взлетели вверх, выражение его синих глаз уже было иным.

— Тебе нужно уходить в пещеру. Преследуя беженцев, агела с минуты на минуту будет

здесь. Иди. — Пелоп кивнул в сторону пещеры. — Иди, а Гидона останется со мной, ей не угрожает опасность, потому что дом перизака находится под охраной Спарты. Гидона! — позвал старик. — Гидона, иди сюда, мы проводим Тилона.

Гидона появилась на пороге, и сердце Тилона защемило от нежности к ней. В коротком хитоне, с подобранными на затылке волосами она как никогда напоминала юную Артемиду.

— Нам нужно торопиться, — проговорил Пелоп. — Я боюсь, дети, что ливень натворил бед не только в долине.

— Взгляните! — проговорила Гидона, указывая пальцем на склон, ведущий в долину.

Старик и юноша одновременно взглянули туда и увидели бегущую толпу. Женщины тянули за руки обессилевших детей, а где-то дальше уже раздавались пронзительные крики сраженных жертв.

— Торопись, Тилон, они уже близко.

Тилон первым ступил на тропинку, ведущую к площадке, откуда было переброшено бревно. Пелоп и Гидона шли следом. Поворот... Еще один поворот... Вот и площадка. Тилон выскочил на нее и замер — бревна не было.

Он стоял, глядя на серые стены скал — расщелина была не очень широка — тридцать-сорок стоп, но разве перепрыгнешь ее?!

Наверное и Пелоп подумал о том же, потому что Тилон вдруг услышал тяжкий вздох старика. Рядом с Пелопом уже стояла Гидона и в ужасе глядела на пропасть.

«Если нас застанут вместе, им тоже грозит смерть», — подумал Тилон.

— Возвращайтесь.

Гидона мотнула головой.

— Мы в ловушке, — тихо проговорил Пелоп, — но тебя мы не покинем. Быть может, они не догадаются ступить на нашу тропинку.

Донесшийся лай собаки возвестил, что спартамцы уже в доме. «Будь что будет, но я...». Взгляд Тилона уже ощупывал противоположную сторону расщелины, уже выискивал удобную для приземления площадку. Такая площадка была, но гораздо ниже. Плохо, что он не мог разогнаться.

Оттолкнувшись спиной от скалы, Тилон сделал шаг навстречу пропасти и прыгнул...

Продолжение следует

Итоги викторины „Знаешь ли ты ГДР?“

Дружат наши государства, дружим и мы, ребята, — так начиналось письмо, присланное на конкурс «Знаешь ли ты ГДР?»

«Я обрадовалась, когда ко мне на каникулах приехала моя подруга пятиклассница Сюзанна Харбарт. Сначала немного побаивалась, что не смогу ее понять. Но мы быстро нашли общий язык. Сюзанна пришла на классный «Огонек». Вместе с нами пела русские песни, танцевала, пила чай из самовара. Сюзанна обещала организовать у себя в классе такой же веселый «Огонек». Мы с Сюзанной в Малом театре оперы и балета смотрели балет «Конек-Горбунок». Я кратко пересказала содержание сказки. Долго думала, как назвать Конька-Горбунка, и наконец подыскала название — «Лошадь с горбом» (Света Руднева, Ленинград).

От участников викторины мы узнали, что им нравится изучать немецкий язык.

«Моя подруга Мануэла Хеншлер часто пишет мне. Я перевожу письма со словарем, но многое понимаю и так» (Ира Гайдукова, Ново-Покровское Тульской области).

«Выпустили стенгазету на немецком языке. Иногда пишем сочинения на немецком» (Ира Сахаутдинова, Нефтекамск).

Большинство ребят путешествует по ГДР заочно. «К трид-

цатилетию ГДР провели вечер дружбы, каждый рассказал, что знает об этой республике. Моя мечта — встретиться с моим другом из ГДР Енеком Лутцом» (Юра Пахрицин, Горький). «Наша семья прожила три года в городке Хеннигсдорфе под Берлином. Там я окончила первый класс. Я побывала на экскурсиях в разных городах, видела типографию ленинской газеты «Искра» (Наташа Дроздова, Иркутск).

«Весной прошлого года к нам на БАМ пришли письма из Висмара от немецких пионеров. У меня появился друг Хаак Андреа. Мы с ним заочно играем в шахматы» (Юра Журбаев, станция Беркакит Якутской АССР).

Друзьям всегда хочется рассказать о пионерских новостях. «Мы рассказали, как работаем на субботниках. Озеленяем город, чтобы он был красивее. А наши зарубежные друзья написали о своем шефстве над детским садом. Они мастерят для малышей игрушки, разучивают с ними песни» (Таня Генова, Одесса). «От своей подруги Сабины я узнала, что ее одноклассники прочитали «Тимур и его команда» Гайдара и создали у себя тимуровский отряд» (Оля Пантюхова, Почеп Брянской области). «Наш КИД участвует в операции «БАМу — пионерские поезда». Заработанные на субботниках средства передаем в Фонд мира» (Сереза Шашлин, Челябинск).

Часто друзья по переписке

встречаются в пионерских лагерях нашей страны и ГДР.

«В прошлом году я была на Азовском море. Триста лучших пионеров округа Галле приехали в Советский Союз, а тридцать из них — к нам в пионерлагерь «Солнечный». Пионеры из Запорожья в свою очередь поехали отдыхать в ГДР. Мы успели хорошо узнать друг друга, подружиться» (Рита Забуга, Днепропетровск).

Конкурс-викторина «Что ты знаешь о ГДР?» закончен. Мы благодарим всех ребят, которые написали нам. Вот имена участников, приславших самые точные ответы и вовремя: Игорь Дрямов (Алексин, Тульская обл.), Наташа Тарасюк (село Новый двор, Волынская обл.), Толя Великанов (Торопец, Калининская обл.), Саша Шацкий (Стаханов, Ворошиловградская обл.), Марина Свердлова (Хабаровск), Валерий Механошин (Боровская школа, Кокчетавская обл.), Наташа Левыкина (Миусинск), Оля Бизяева (Петропавловск-Камчатский), Нигяр Гусейнова (Сумгаит), Ирина Кристьян (Степное, Чимкентская обл.), Наташа Пусева (поселок Ливадия, Приморский край), КИД «Факел» (школа-интернат, село Ольховка, Курганская обл.), Игорь Гусев (Могилев), Наташа Кичкайло (Попелево, Брестская обл.), КИД «Красная гвоздика» (Севастополь), Таня Самушенкова (Подберезье, Новгородская обл.), Оля Кондратьева (Клин, Московская обл.), Сереза Макаров (Иваново).

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

НАША РАБОТА

Пионеры всей страны глуму Ленина верны!

1 июня —
Международный
день
защиты детей

ТЕЛЕГРАММА В НОМЕР

ХОТИМ, ЧТОБЫ ВСЕ ВОЙНЫ НА ЗЕМЛЕ
ПРЕКРАТИЛИСЬ, ЧТОБЫ НА ВСЕЙ НАШЕЙ
ПЛАНЕТЕ ВОЦАРИЛСЯ МИР *Ольга Щербатова,
через Алтайский,
Свердловская область*

Говорят юнкоры «Барабана»:

— ЧТО НА ЗЕМЛЕ САМОЕ
ВАЖНОЕ?
— МИР!

Это понимают все советские
люди. А какой вклад в укреп-
ление мира можем внести мы,
пионеры?

Мы можем сделать многое.
Так думаю не только я, так
считают все мои одноклассни-
ки, вся наша пионерская дру-
жина.

Недавно от имени всей дру-
жины мы написали письмо с
протестом против применения
нейтронной бомбы. Под пись-
мом подписались все шестнад-
цать пионерских отрядов.

За учебный год на субботни-

ках и во время сбора макула-

туры мы заработали больше
тысячи рублей и перечислили
эту сумму в Фонд мира. А сов-
сем недавно, узнав о создании
пионерской организации в
Кампучии, мы решили послать
юным кампучийским пионерам
книги, тетради, карандаши и
краски.

Мы написали им, что очень
хотим подружиться с ними,
вести переписку. Наши октяб-
рята тоже участвовали в сборе
посылок. Каждому октябренку
хотелось, чтобы его маленький
подарок получил далекий кам-
пучийский друг.

*Оля Кутукова,
поселок Белоозерский
Московской области*

Незабываемая встреча

Хочу рассказать только об
одной встрече, которая про-
изошла во время нашей смены
в Артеке. Об одной встрече —
но какой!

К нам в Морской лагерь
приезжал Леонид Ильич Бреж-
нев.

Когда мы увидели Леонида
Ильича, он махал нам рукой и
улыбался как близкий-близкий
нам человек. Машина остано-
вилась. Леонид Ильич вышел
из нее. Он расспрашивал нас,
как мы учимся, чем интересу-
емся, как нам живется в

Артеке, какие у нас планы на
будущее.

Мне понравилось, что с нами
говорили, как со взрослыми.
Вечером Л. И. Брежнев и
другие почетные гости Артека
присутствовали на праздни-
чном фестивале.

В Артеке мы особенно хо-
рошо ощутили, что такое меж-
дународная солидарность.
Артек в международную сме-
ну — это маленькая интерна-
циональная планета.

*Алла Валяева
7-а класс,
школа № 3 Новгорода*

В гостях у "Барабана" юнkers "Алого паруса"

В центре Урала есть небольшой город Первоуральск, а в Первоуральске, вернее на его окраине, — маленький рабочий поселок Хромпик. Во дворе самого большого дома поселка — ребячий клуб имени Юлиуса Фучика. Вот при этом клубе и работает кружок юнкеров «Алый парус».

Юра Захаров:

— Мы сами умеем снимать маленькие кинофильмы. Вот, например, снимали фильм «Оруженосец Джек». Мне поручили роль стражника. Мечи, щиты, сабли для сражения делали сами, у кого лучше получается. Но веселее всего было на съемках в густом лесу.

Фильм у нас, правда, пока не получился, но мы не унываем: говорят, первый блин всегда комом.

Саша Барсук:

— Решили у себя в клубе ремонт сделать. Руконуть нам взялась Ира Малитвина. У нее мама — маляр. Ира тоже умеет хорошо белить, правда, еще лучше умеет командовать, но мы на нее не обижаемся: у нее рабочий авторитет!

Сначала мы оторвали доски от стен, потом стали замазывать алебастром разные щели и дыры, скапливать старую краску. Справились со всем этим — стали белить. Комнаты после побелки стали как будто бы больше и светлее.

В ДЕРЕВНЕ ЛЕТОМ

Юнона Березницкайте,
Литовская ССР

ВАРАДАШКИ

Учитель:

- Назови сложное слово!
- Ученик:
- Задача...

Прислала

Ира Соловьева,
Латвийская ССР

Учитель:

- Откуда берутся слова?
- Ученица:
- Из словаря.

Прислала

Марина Иванова
343-я школа,
Ленинград

Учительница химии:
— Расскажи о применении алюминия.

Ученица:

- Посудостроение...

Прислал

Толя Иванов
из города Читы

Мама спрашивает маленькую дочку, что у нее в руке.

- Колоток! Это которым колотят...

Записала

Оля Пашкова,
село Панкрушиха
Алтайского края

ИЗ ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ:

«Ее голова была заплетена в длинные косы».

Ира Соловьева

Николай ФЕДОРОВ

Рисунки Л. Каминского

Примерно раз в месяц Мишка ездил навещать своего деда. И всегда возвращался с каким-нибудь подарком. То компас с фосфорными стрелками привезет, то складной ножик, в котором разве что мясорубки не хватает, а то и старинную монету с изображением какого-нибудь бородатого монарха. Нет, только не подумайте, что Мишка навещал деда из-за подарков. Но таков уж человек был его дедушка, что не мог отпустить внука, не подарив ему что-нибудь. Подарки эти он находил тут же, у себя в квартире. «Глянь-ка, Мишаня, — обычно говорил дед. — Разбирал вчера антресоли, смотрю — барометр. Помнится, в Риге покупал в сороковом году. Да так никогда и не пользовался. Возьми». Мишка говорил, что если дед найдет у себя на антресолях колесный пароход или зенитное орудие, то он не удивится.

В тот раз Мишка привез от деда фотоаппарат. Настоящий фотоаппарат в кожаном футляре под названием «Зоркий-С».

— Да он, наверное, не работает, — говорил я, с завистью осматривая аппарат.

— Как это не работает? — отвечал Мишка. — Дед говорит, он им почти не пользовался. Все в порядке. Я уже и пленочку зарядил.

— А ты снимать-то умеешь? — спросил я.

— Запросто. Мне дед объяснил. Так что садись вот сюда на диван, а я тебя сфотографирую. Будет называться «Портрет моего друга». Если все нормально получится, pošлю в пионерский журнал. Я читал, что сейчас конкурс на лучшую фотографию.

— погоди, — сказал я. — Тогда уж причесаться надо.

Я тщательно причесал свои вихры и на всякий случай вымыл лицо и руки. Потом сел на диван, куда мне указал Мишка.

— Начнем, — сказал Мишка и нацелил на меня объектив. И тут, сам не знаю почему, шея у меня как будто одеревенела, а лицо и руки стали чужими.

— Ты чего это? — спросил Мишка и отвел аппарат.

— А чего?

— Да вид у тебя такой, будто с тебя скальп снимать собираются. Ты сиди и улыбайся.

Я улыбнулся.

— Ты что, укусить меня хочешь? — сказал Мишка, снова отведя аппарат. — Я ж улыбнуться прошу, а он скалится.

— Как умею, так и улыбаюсь, — сказал я. — И вообще, чего это я улыбаться буду, если мне не смешно.

— А вспомни чего-нибудь смешное и улыбайся. Только не слишком рот-то разевай, а потихонечку так, загадочно.

— Слушай, — сказал я, — а зачем обязательно улыбаться? Ты сделай грустную фотографию. И назови «Портрет моего грустного друга».

— Можно, конечно, — сказал Мишка. — Но с улыбкой интереснее. Знаешь, картина есть такая знаменитая. «Джоконда» называется. Там одна старинная итальянская девушка сидит в кресле и так потихонечку улыбается. Будто про себя. Так вот ученые до сих пор гадают, чему это она улыбается. А если б она просто смеялась или хохотала, так может картина бы эта и знаменитой не стала.

Я сосредоточился, собрался с силами и попробовал загадочно улыбнуться.

— Ну вот, — сказал Мишка. — Теперь он плакать собрался. Горе у тебя что ли какое? Или зубы болят?

— Ничего у меня не болит, — начал я злиться. — И вообще, мне надоело. Снимай, какой есть.

— Хорошо, — сказал Мишка. — Только ты хотя бы не тарашь глаза. А то подумают, что у тебя базедова болезнь.

Наконец Мишка щелкнул затвором. Потом щелкнул еще несколько раз и сказал:

— Во! Я, кажется, придумал. Тебя надо снять с какой-нибудь умной книгой. Так будет эффектнее.

Мишка подошел к книжному шкафу и достал оттуда толстенную книгу.

— То, что надо, — сказал он, — «Идиот». Серьезная вещь.

— Нет, — сказал я, — с «Идиотом» не буду.

— Почему?

— Не буду и все тут, — упрямо повторил я.

— Ну, возьми тогда «Живой труп», — сказал Мишка, — Лев Толстой написал. Или тебе «Курочку-рябу» найти? Должен же ты, в конце концов, показать свой культурный уровень.

Я решил, что Мишка прав, и чтобы показать свой культурный уровень, взял двадцать четвертый том Советской Энциклопедии, начинающийся со слова «собака» и кончающийся словом «струна». К тому же эта книга была самая большая и толстая.

И Мишка меня заснял.

Потом он сфотографировал меня с кошкой, с электродрелью, с арбузом, за пианино, на балконе и у газовой плиты. Потом я фотографировал Мишку с телефонной трубкой, в мотоциклетном шлеме, у книжной полки, под столом и даже за швейной машинкой. А когда Мишка предложил мне встать на голову по системе «хатха-йоги», я сказал:

— Хватит. Так мы никогда приличных кадров не сделаем. Я читал в фотожурнале, что все знаменитые фотографии были сделаны скрытой камерой.

— Как это? — спросил Мишка.

— Ну, надо замаскироваться и фотографировать, когда тебя не видят. Тогда вот самые интересные кадры и получаются.

Мы вышли на улицу и спрятались за квасной бочкой. Но ничего интересного как назло не происходило. Торопливо шли по улице толпы серьезных людей, на перекрестке нервно газовали машины, переполненные автобусы, с трудом закрыв двери, тяжело отъезжали от остановок. Все как обычно. Правда, Мишка щелкнул пару кадров — собаку, которая несла в зубах сумку хозяина, и автобус, из двери которого торчал портфель и чья-то нога. Мы уже хотели уходить, как вдруг на балконе одного дома я заметил толстого лысого мужчину в трусах и в майке. На голове у него было что-то вроде чалмы. Мужчина держал в руках большие пудовые гири и делал с ними приседания.

— Гляди, Мишка, какой силач-бамбула. Ну-ка, быстренько щелкни его, пока не ушел.

Мишка поспешно вскинул аппарат и нажал кнопку. Потом он сфотографировал пожарную машину, лоток с мороженым, разгрузку арбузов, очередь за квасом и наконец меня рядом с красивой серебристой машиной японской фирмы «Тойота».

Когда мы шли домой, я спросил:

— Слушай, ну нащелкал ты всякой ерунды и что дальше? Карточки ты все равно не умеешь делать. Да и увеличителя у тебя нет.

— Без паники, — сказал Мишка. — Я уже договорился со Славиком, соседом. Послезавтра он будет проявлять свои пленки, так он обещал и мне сделать.

Через два дня мы пришли к Мишкиному соседу за фотокарточками.

— А, фотографы, здорово. Заходите, — сказал Славик, пропуская нас в квартиру. — Только сразу вам скажу — ни черта у вас не вышло. Зря я возился. То ли вы пленку плохо заряжали и засветили, то ли аппарат у вас заедает. Не знаю. Один кадр, правда, почему-то вышел. Дерево какое-то на крыше.

— Дерево? — удивился Мишка. — Какое дерево? Мы не снимали никаких деревьев.

— Вот уж не знаю, — сказал Славик и протянул Мишке фотокарточку.

Действительно, на крыше какого-то дома у самого карниза росло маленькое дерево, или скорей кустик. Рядом с ним сидел голубь, а второй голубь взлетал в небо.

— Что за мистика! — сказал Мишка.

И тут вдруг до меня дошло:

— Мишка! Помнишь, ты толстяка с гирями на балконе снимал? Он еще в чалме был?

— Ну!

— Так это же тот самый дом. Ты, наверное, когда толстяка снимал, то в спешке выше снял.

— Может быть, — сказал Мишка. — Но откуда дерево?

— Значит оно там растет. Да чего гадать. Бежим сейчас и все проверим.

Через минуту мы были рядом с квасной бочкой, у которой стояли два дня назад. Теперь никаких сомнений не оставалось — дом был тот же самый,

что и на фотографии. Только никакого дерева на крыше не было.

— Чудеса, — сказал я. — Куда же девалось дерево? Ведь дом тот же самый! Гляди, видишь под карнизом кусок штукатурки отбит?

— Знаешь что? — сказал Мишка. — Пойдем и выясним все у кого-нибудь. Не может быть, чтобы мы с тобой рехнулись одновременно.

Мы вошли во двор загадочного дома и сразу увидели дворничиху, выносившую из парадной ведра.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Мишка.

— Здравьете, — неохотно отозвалась дворничиха и подозрительно на нас посмотрела.

— Скажите, пожалуйста, вы в этом доме работаете?

— Ну в этом. А вам чего надо?

— Мы насчет дерева. У вас на крыше дерево росло, а теперь вдруг исчезло.

— Ах, вот вы о чем, — дворничиха поставила ведра на землю и улыбнулась. — Это верно, рос там кустик. Я бывало все удивлялась: это ж надо, думаю, как природа жизнь любит. Чуть-чуть где землицы соберется, так сразу живое и родится. Подумать только, на крыше такой кирпичной махины деревцо выросло! Чудо просто! Ведь никто его там не сажал.

— А где же оно сейчас? — спросил я.

— Так ведь на следующей неделе кровлю-то на крыше менять будут. Поди лет двадцать не меняли, прохудилась вся. Ну, рабочие вчера и вырвали его.

— Посмотрите, — сказал Мишка и показал дворничихе фотографию. — Узнаете?

— Ой, ну конечно! Как хорошо вышло-то.

— Возьмите, — сказал Мишка. — На память.

Мы снова вышли на шумную улицу, еще раз посмотрели на крышу, где раньше росло дерево, и я сказал:

— Слушай, а ведь редкий кадр получился. И красивый. Вот что значит «скрытой камерой».

— Жаль только, — сказал Мишка, — что мы с тобой не видели, как это дерево на крыше росло. Представляешь, сами снимали, а видеть — не видели.

В редакцию пришло письмо

«...У меня есть одна подруга, ее зовут Элла, она очень хороший и верный друг. Я давно мечтала иметь такого друга. Хоть мы с ней иногда ругаемся и спорим, даже, бывает, и ссоримся, но тут же миримся. Мы всегда вместе, но мои родители против этой дружбы, они против дружбы вообще. Они считают, что на свете нет верных друзей, что друг только кажется другом, а сам в любую минуту может подставить подножку. И мне становится обидно за себя, за Эллу, за тех писателей и поэтов, которые воспевают дружбу. Что же получается, что все вокруг врут и нет никакой дружбы?»

Я хочу понять, где правда, я хочу им помочь разобраться в ней. Помогите мне.»

Лена О., Баку

На письмо Лены отвечает писатель Борис НИКОЛЬСКИЙ.

«Не стану приводить тебе примеры искренней и верной дружбы, которая описана в книгах и воспета в стихах и поэмах. Дружба помогла и помогает многим людям в самые трудные минуты их жизни, ты и сама, судя по твоему письму, хорошо знаешь эти примеры, сама веришь в дружбу и в своих друзей.

Я же хочу попробовать вместе с тобой разобраться в том, отчего у некоторых людей, и у твоих родителей в частности, возникает неверие в человеческую дружбу, скептическое отношение к окружающим людям, убеждение, что ни на кого нельзя положиться, ни на чью помощь нельзя рассчитывать.

Чаще всего, я убедился, это бывает в двух случаях.

Во-первых, если человеку пришлось разочароваться в своем близком друге, товарище, пришлось столкнуться с неожиданным обманом, неверностью, несправедливостью. Такое ведь бывает в жизни. И вот уже человек, обиженный, потрясенный изменой близкого товарища, делает для себя вывод, что верить нельзя никому вообще, что настоящих друзей не бывает. Разумеется, испытать подобное разочарование очень горько, тяжело, но в том-то и дело, что настоящий человек, обладающий сильным характером, должен быть готов не только к одним радостям жизни, он должен

уметь стойко, не теряя оптимизма, переносить и удары судьбы, и не должен из-за личной, пусть даже глубокой, причиняющей боль обиды видеть весь мир в черном свете. Это не поможет, а только усугубит тяжелые переживания. Преодолеть же чувство горечи человеку помогут лишь окружающие его люди, лишь вновь обретенные друзья.

Но бывает и другое. Бывает — сам человек обманул, предал другого человека, своего товарища, поступил по отношению к нему несправедливо, нечестно, эгоистично, не захотел ради товарища поступиться своими интересами, своей выгодой. И вот, чтобы успокоить, утешить свою совесть, чтобы оправдать себя в собственных глазах — подобный человек начинает уверять себя, а заодно и окружающих, что, мол, так поступают все, что все люди плохи, бесчеловечны, эгоистичны и т. д. Коротко говоря, начинает всех подряд мерить на свой аршин. Человек винит весь мир, а винить-то, оказывается, надо в первую очередь себя.

Так или иначе, но тот, кто не имеет друзей, кто не верит в искренность дружеских отношений, тот вольно или невольно обкрадывает себя, делает свою жизнь скуднее, безрадостнее. И ты, Лена, совершенно права, когда защищаешь, отстаиваешь свою дружбу, свой светлый взгляд на друзей, когда веришь, что именно дружба приносит человеку настоящую радость».

ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ

ЭХО

Целый день
Была потеха:
Мы в лесу
Искали эхо.
Во дворе
Темным-темно.
Смотрит звездочка
В окно.
А по лесу
Бродит эхо
Наших песенок
И смеха.

Владимир ОРЛОВ

КАК ДЕЛАЮТ НОЧЬ?

А очень просто:
Выходит дядя большого роста,
Ужасно грустный,
Ужасно старый,
Он закрывает на небе ставень.
Закроет ставень —
Вздремнет минутку,
А после встанет —
Раскурит трубку.
А ночь огромна, а ночь темна,
Но светит трубка его —
Луна.
Из трубки искры — на небе звезды...
Я ж говорил вам: все очень просто!

Олег БУНДУР

Рисунки
А. Ивашенцевой

СКОРОГОВОРКИ

Наловил Валерий
Два ведра форели,
Угостил форелью
Дарью
и Лукерью.

* * *

Полведра Лариса риса
Наскребла вчера в ларе.
Этим рисом
Кур Лариса
Накормила
Во дворе.

* * *

Опять
Пять ребят
Нашли
Пять опять.

* * *

Сом усами,
Слон ушами
Шевелят во сне
Часами.

Николай ЕГОРОВ

* * *

Слегка простудившись,
Чихла корова,
И я, ради смеха,
Сказал: «Будь здорова!»

Тут сено корова
Жевать перестала...
«Спасибо!» — без всякого
Смеха сказала.

Александр БАДАШКИН

Рыболовный флот в малокуримской бухте

НА КРАЮ СВЕТА

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА ХУДОЖНИКА

Г. КОВЕНЧУК

Были мы на консервном заводе. Тут работают одни девушки. Мы видели весь процесс изготовления консервов. Сначала у пирса разгружают свежую рыбу. По широкой брезентовой ленте рыба идет прямо в разделочный цех. Чтобы она не испортилась, сверху ее засыпают ледяной крошкой. На заводе много цехов. Работа идет быстро и четко. Для того чтобы работать было веселее, директор завода

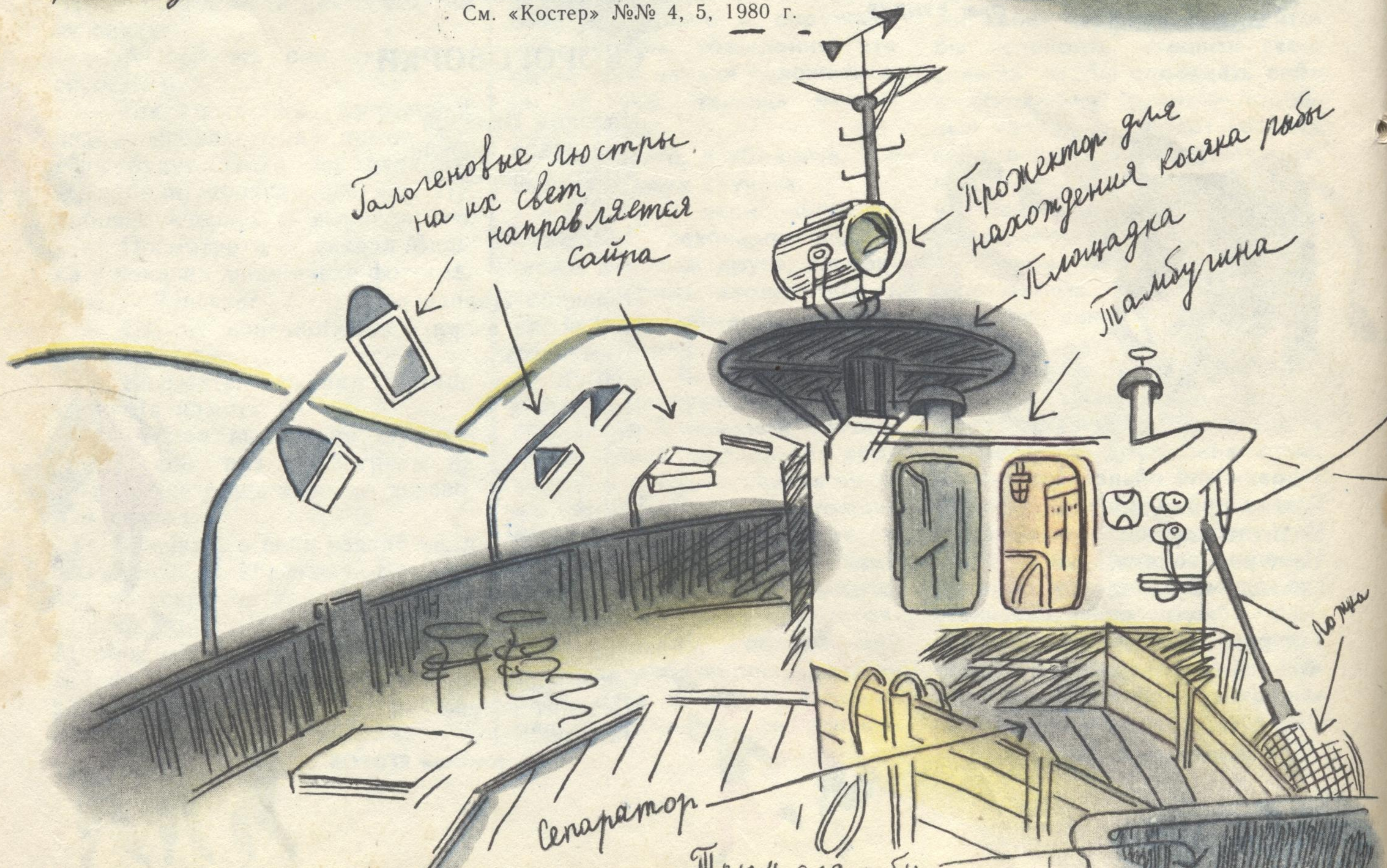
Окончание.
См. «Костер» №№ 4, 5, 1980 г.

Консервный завод

В цеху консервного завода

в каждом цехе и на заводском дворе установил громкоговорители, из которых доносится приятная музыка. В последнем цехе уже готовые консервы упаковывают в большие картонные пакеты — тубы, которые отправляются на материк.

Были мы и на одном из сейнеров. В отличие от завода, тут работают только мужчины. Пойти на лов нам, к сожалению, не удалось. Но зато рыбки нам подробно рассказали о своей интересной, но трудной работе. Сайру ловят ночью. Обнаруживают ее прибором, установленным в штурманской рубке. На широкой бумажной ленте, вставленной в этот прибор, наподобие того, как пленка вставляется в фотоаппарат, прибор рисует профиль морского дна, который тянется по низу ленты, похожий по силуэту на горную цепь. Иногда над этим «горным хребтом» появляются скопления коротеньких вертикальных полосок — это сайра. Нужно сказать, что каждая рыба поразному отображается на ленте.

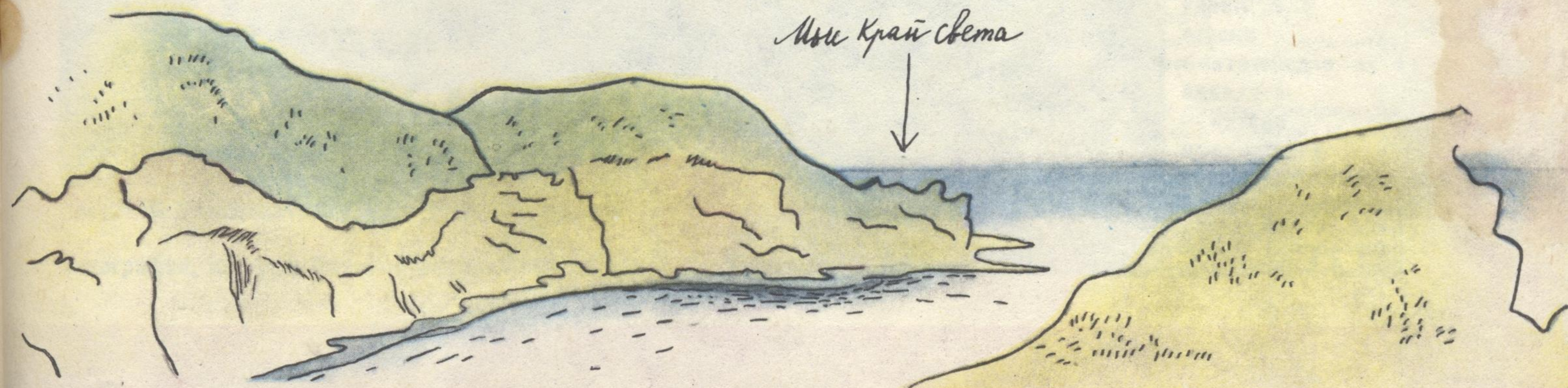
Как только обнаружена сайра, сейнер ложится в дрейф. С наблюдательной площадки прожектор ищет косяк рыбы, и, когда он найден, вспыхивают многотысячечесвечовые галогеновые люстры, так называются ряды фонарей, установленные по бортам судна. Сайра идет на свет. Яркий свет заманивает сайру в сети. Хоть мы и не были на самом лове, поскольку этот сейнер выполнил свой план, «люстры» нам включили. Все вокруг озарилось, было похоже, что идет киносъемка.

Накануне отъезда мы совершили путешествие на Край Света, так называется небольшой мыс на восточном берегу Шикотана. До Края Света недалеко, всего девять километров, но добирались мы до него на вездеходе почти два часа. Нужно было пересечь весь остров, от берега до берега.

С оглушительным лязгом и треском мы проехали по набережной Мало-Курильска, затем свернули в глубь острова. Дорога шла то по каменистому дну речушки в ложине,

заросшей еще зелеными деревьями, то по самому краю горного ущелья. Наш водитель Володя, которому не раз приходилось ехать по этой дороге, то и дело останавливал свою машину. В некоторых местах тайфун «Тип» изменил дорогу до неузнаваемости. Он образовал целые баррикады из поваленных деревьев. Мы проехали мимо реликтовой тиссовой рощи, несколько раз взбирались на высокие зеленые холмы, спускаясь потом по крутым уклонам, проехали по песчаному с огромным количеством океанских ракушек пляжу, снова поднялись на крутой берег и, наконец, увидели этот мыс. Вездеход остановился над обрывистым берегом. Наступила тишина. Тихий океан сегодня был тихим, только снизу изредка доносились чайчи вопли.

Сидя на самом краю высокого берега, я сделал несколько рисунков. Отсюда был виден еще мыс с маяком, а за ним голубел, синел, играл искрами на солнце необозримый Тихий океан...

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

Мы решили узнать, почему наша деревня называется Пахомовка, и пошли к деду Саше.

Дед Саша удивился: «Как это — почему? Да потому, что давным-давно жил в нашей деревне очень хороший человек — Павел Леонтьевич Пахомов». Потом говорит: «Видите, за дорогой лежит большой камень? Вот у этого камня и стояла раньше изба Пахомовых. Маленькая, как баня, изба-то была. И ребятишек — целая куча. Словом, не житье, а горе».

Мы говорим: «Дедушка, а вы помните Павла Леонтьевича?»

Он говорит: «А как же! Павлуху-то? Так мы же с ним были погодки — ровесники, значит. И как он в пастухи нанимался, чтобы отцу с матерью помогать, хорошо помню. И как потом пошел он по кровельному делу — крыши крыл дранкой у богатеев. Я сам тоже этим делом занимался. Руки болели — ночь не уснешь.

Ну, а затем он в Питер уехал, а я в деревне остался. И несколько лет не виделись. Но слышал я, что стал Павел большевиком. А что такое «большевик» никто в деревне толком не знал. И встретились мы с ним уже после революции, когда Декрет о земле вышел и землю делить стали. Правда, о себе он тогда ничего не рассказывал. Все больше о земле с мужиками толковал да о новой жизни. Видел, небось, что народ по-новому жить не умеет. Вот взять, к примеру, трактор. Многие у нас не верили, что эта машина лучше коня землю пашет. А Павел Леонтьевич отвечал: «Устройте соревнование, да поглядите». Устроили соревнование, видим: правду сказал Пахомов. А с радио, прямо скажу, загвоздка получилась. Радио в деревне сперва только в одном доме было. И дом этот многие за версту обходили. Боялись ящика с человеческим голосом, особенно бабы и старухи. Да,

**Поиск
юнкором
и следопытов
„Костра“,
посвященный
110-й
годовщине
со дня
рождения
Владимира
Ильича
Ленина**

Март 1920 года.
В. И. Ленин
вместе
с делегатами
X съезда
партии —
участниками
подавления
контрреволюционного
мятежа
в Кронштадте.

да, не смейтесь. Думали, что сидит в нем нечистая сила. Вот, значит, какая история».

Мы спрашиваем: «А что дальше было?»

Дед Саша говорит: «А дальше было так. Прослышал народ, что нашего земляка сам Владимир Ильич Ленин уважает и

„Выдающийся большевик-ленинец, активный участник Октябрьской революции, председатель Петроградского губисполкома, член ВЦИК и Северо-Западного бюро ЦК РКП (б) Павел Леонтьевич Пахомов“.

Эти слова высечены на граните памятника в деревне Пахомовка

решили назвать деревню Пахомовкой. И было это сразу же после революции. А когда точно — сказать не берусь. Сами видите: стал я совсем старым — могу и напутать».

Но дед Саша ничего не напутал. Пахомовкой наша деревня стала в 1918 году, а до этого называлась Вотский Конец.

Так мы стали собирать материалы о Пахомове и узнали много интересного. И как он стал революционером, и как много раз встречался с Лениным.

А потом по просьбе совета дружины в нашей деревне был поставлен памятник Павлу Леонтьевичу Пахомову.

*Совет дружины имени П. Л. Пахомова
Вистинской
восьмилетней школы,
Кингисеппский район
Ленинградской области*

Уже много лет в нашей школе работает клуб международной дружбы — «Красная гвоздика». И мы дружим со своими сверстниками из разных стран мира. Но самые близкие наши друзья — ребята Чехословацкой Социалистической Республики, ученики Пражской гимназии имени Яна Кеплера.

Недавно мы ездили к ним в гости. Чешские друзья показали нам достопримечательности своего города. Но особенно мы им благодарны за экскурсию в музей Владимира Ильича Ленина. Этот музей находится в бывшем Народном доме, на Гибернской улице, где в 1912 году под руководством Владимира Ильича Ленина проходила Пражская конференция РСДРП.

Мы узнали, что чешские историки сейчас ведут поиск квартиры, в которой жил тогда Владимир Ильич Ленин.

Снимок, который мы посылаем, сделала в этом музее фотокорреспондент нашего клуба Аня Гессель.

*Нана Карапетян,
президент клуба
«Красная гвоздика»,
школа № 192, Ленинград*

СЛОВО — ИСТОРИКУ

Вы знаете, когда я познакомилась с рассказом ребят о Павле Леонтьевиче Пахомове, я сразу же, буквально на следующий день, поехала в деревню Пахомовку. Встреча

Фотография, которую Пахомов подарил В. И. Ленину

со следопытами была не только интересной, но и очень полезной.

Вот один из «рабочих» моментов этой встречи.

Увидев в школьном музее фотографию Павла Леонтьевича, где он снят вместе со своими товарищами во время нарымской ссылки, я говорю: «У нас в музее тоже есть такая».

Спрашивают: «С оборотом?»

Я удивилась: «С каким оборотом?»

И тогда следопыты рассказали, что эту фотографию Пахомов подарил Владимиру Ильичу Ленину. И сейчас она (оригинал) хранится в Центральном партийном архиве. На оборотной стороне оригинала написано: «К воспоминанию о мрачном прошлом, вождю всемирной революции т. В. И. Ленину. Фракция с. д. Нарымской ссылки 1915 г. От П. Л. Пахомова. Петроград. 12 марта 1919 г.»

А потом я увидела несколько уникальных документов, редких фотографий и попросила ребят передать их в наш музей.

Словом, ехала я в Пахомовку, чтобы помочь следопытам, а получилось иначе. Получилось, что они помогли. И я им так и сказала: «Большое вам, друзья, спасибо!»

Л. ГРИГОРЬЕВА,
заведующая научно-экспозиционным отделом
Государственного музея
Великой Октябрьской
социалистической революции

ТРИ КРАСНЫЕ ГВОЗДИКИ

Галина Сергеевна Зайцева преподает русский язык и литературу в 686-й московской школе. Вот уже много лет ее ученики ведут ленинский поиск: разыскивают ветеранов партии, лично видевших Владимира Ильича, записывают их воспоминания. Мы попросили Галину Сергеевну рассказать читателям журнала «Костер» о своих следопытах, и она охотно согласилась.

Как-то после уроков я сидела в пустом классе и проверяла домашние сочинения. А за стенкой в пионерской комнате спорили мои следопыты, шестиклассники из отряда «Барабанщик». Они шумели так громко, что мешали мне работать. Как всегда, спор затеял Аркаша Иваницкий — он во всем ищет точных и неопровержимых доказательств.

— Сама Екатерина Ивановна говорила — точно такие же стулья были у них в Лесной школе, — объясняла Марина Сапегина, председатель отряда. — Ты что, не доверяешь ей?

— Почему не доверяю? Но она тоже может ошибиться. Венские стулья ведь были разные. А вдруг этот стул сделали гораздо позже? Нужно точно проверить...

Мы вели поиски бывших учеников Лесной школы в Сокольниках, где часто бывали Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, и решили организовать у себя в школе ленинскую елку, точно такую же, что была когда-то в Сокольниках. Но для этого нужно знать точно — какая там стояла мебель, какие песни пели ребята, какие читали стихи... Нам удалось найти старый венский стул, и хозяйка согла-

силась отдать его нам. Показали свой «трофей» Екатерине Ивановне Русаковой, воспитаннице Лесной школы, и она подтвердила — точно такие же стулья стояли в Лесной школе.

И вот сейчас Аркаша по-прежнему сомневается...

Вдруг спор неожиданно прекратился, и Марина заглянула ко мне в класс.

— Галина Сергеевна, к вам пришли.

— Кто?

— Двое мужчин...

Я вошла в пионерскую комнату. «Двое мужчин», не дожидаясь моего прихода, уже сидели за столом и о чем-то беседовали с ребятами.

— Павлик, Петя... — я растерялась, и в первую минуту даже не знала, что сказать. Вот это встреча! Сколько же мы не виделись?

...Я преподавала тогда в школе-интернате, а Павел и Петя Сальмановичи были моими главными следопытами. Расскажу историю одного поиска, пожалуй, самого интересного за все время нашей следопытской работы. А началось все так.

Однажды в Центральном музее В. И. Ленина мы увидели обыкновенную школьную тетрадку, в каких первые пи-

онеры двадцатых годов писали диктанты и упражнения. На обложке — портрет В. И. Ленина, в венке из колосьев, снопы ржи и дымящие трубы завода. Наверху — слова из «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Ленин глазами детей» — так можно было бы назвать эту тетрадку. В ней было собрано свыше двухсот детских записей — слова любви и благодарности Ленину:

«Ленин был такой умный человек, такого еще не было в России. Свиридова О.»

«У Ленина были строгие глаза, но добрые. Кадыкова.»

«Я любил Ленина. Для меня он был лучше всех. Я тоже буду коммунистом (за рабочую партию). Синченко.»

«Ленин был добрый человек. Рыбинский.»

«Ленин был очень веселый и любил играть с детьми. Вендиктов.»

Эти записи сделали пионеры школы № 2 Московско-Казанской железной дороги. Где была эта школа, в каких краях живут сегодня ее ученики, что они могут рассказать об этой истории — в музее не знали. И мы решили обязательно разыскать их.

В Управлении железной дороги нам сказали, что эта школа была в Подмосковье, в Перово. Но как найти людей, которые в ней работали? И мы пошли в Архив железной дороги...

Я не узнавала Павлика и Петю, так быстро и неожиданно они изменились. До этого, если говорить честно, братья были равнодушны ко всему на свете, кроме футбола. А тут... Куда девалось их равнодушие! Особенно изменился Павел. Ему не хватало времени. Он вечно куда-то торопился, подгонял других, кому-то звонил, договаривался о встречах. И все было бы хорошо, но... Павел стал хуже учиться, нахватал троек.

Я оставила его после уроков и спросила — какие книги он сейчас читает?

— Да некогда мне, Галина Сергеевна, — ответил Павел. — Работы очень много...

— А в футбол играешь?

Вместо ответа только рукой махнул — какой там футбол!

— Но ведь мы ведем не простой поиск, Павлик, — ленинский. Это очень большая ответственность...

Павел покраснел — понял, к чему я клоню. И больше мы не возвращались к этому разговору — наш следопыт уже не получал троек.

Наконец, в архиве мы обнаружили документы учителей, которые работали во второй железнодорожной школе. Поехали в Перово. Нашли учителей, долго расспрашивали их о тетрадке, читали фамилии учеников, но они не помнили этого события, не узнавали фамилий... Мы попали в тупик, потратив на перовскую школу полгода...

А потом случилось так, что я была вынуждена перейти в другую школу. Моя мама серьезно заболела, а жила она в другом районе, и чтобы постоянно за ней ухаживать, нужно было жить рядом. Но как объяснить это ребятам?

В конце концов решила сказать все, как есть. Я не сомневалась, что они меня поймут.

Так и случилось. Только Павел и Петя сидели молча, уставившись в парты. А когда уходила, даже не попрощались...

В новой школе у меня тоже была следопытская группа, но я постоянно звонила в свою старую школу и узнавала — как идут у ребят поиски, что у них нового? Несколько раз приезжала, хотела увидеть Павлика с Петей, но каждый раз они исчезали, словно заранее знали о моем приходе. Но однажды передали мне три красные гвоздики. И я в тот момент поняла — они простили мне уход.

Мы так и не встречались больше, хотя я хорошо знала об их делах. Павел стал секретарем комсомольской организации школы, потом поступил в институт...

Но самое главное — братья закончили поиск. Выяснилось, что в Москве тоже была школа № 2 Московско-Казанской железной дороги, на Нижне-Красносельской улице. Здание сохранилось и до наших дней, только сейчас там жилой дом. И среди жильцов дома оказались люди, которые учились в этой школе. Так ребята познакомились с Валентиной Ивановной Кадыковой. Это она написала в тетрадке такие слова: «У Ленина были строгие глаза, но добрые». Сейчас Валентина Ивановна — детский врач. Нашлась и ее школьная подруга — Ольга Федоровна Свиридова, та самая Оля Свиридова, написавшая: «Ленин был такой умный человек, такого еще не было в России». Нашлись и многие другие.

Но главный сюрприз ждал моих следопытов впереди. Они разыскали сына бывшего директора школы, Юрия Павловича Иваницкого, и он показал ребятам точно такую же тетрадку, что хранится в музее. Это был второй экземпляр. Почти 50 лет хранила семья Иваницких этот удивительный документ...

И вот сейчас Павел и Петя сидели в пионерской комнате и внимательно слушали рас-

сказы моих сегодняшних следопытов.

— Мы разыскали детей, которые писали письма Надежде Константиновне Крупской, — говорила Марина Сапегина. — В Музее Ленина нам показали письмо Нади Петровской, у нее отчество было такое же, как у Крупской, — Константиновна. Она написала это письмо в день рождения Крупской. Поздравила ее, рассказала о своем отце, он у нее был революционером. Надежда Константиновна была тогда очень больна, и Наде ответил ее секретарь, передал благодарность от Крупской... Мы стали искать Петровскую. Искать долго, потому что в Москве очень много Петровских, в том числе Надежд. А потом о наших поисках передали в «Пионерской зорьке», и через два дня нам позвонила, представляете, сама Надежда Константиновна Петровская. Только у нее сейчас другая фамилия — Логинова...

Мы засиделись допоздна. Братья пошли меня провожать, и уже перед самым входом в метро Павел сказал:

— Мы приехали сказать вам, Галина Сергеевна, чтобы вы не обижались на нас. Глупые мы были, ничего еще не понимали. Давно уже хотели приехать, да все как-то не решались...

— А я давно хотела поблагодарить вас.

— За что?

— За то, что вы оказались настоящими следопытами. И еще — за красные гвоздики... Помните?

Иногда мне задают вопрос: «Что заставляет вас вот уже много лет заниматься поиском?» Тогда я говорю: «Была когда-то в моем отряде девочка, Таня Вербина. Она закончила школу, поступила в Институт культуры, но и там не забыла о поисковой работе. Таня возглавила группу студентов, которые вели ленинский поиск. И я не удивлялась этому, потому что знала: для Тани это дело на всю жизнь...»

Записал А. ТОЛСТИКОВ

СТАРУХА

В. ВЕРХОВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок И. Викторова

Скорый поезд Свердловск — Ленинград шел среди лесов и полей, мимо городов и поселков, и тоненькая веточка на столике нашего купе раскачивалась, прижимаясь к оконному стеклу.

В купе было тихо. Старуха сидела у окна и не знала, что я за ней наблюдаю. Она была совсем старая, эта старуха. Даже морщины у нее были,

И мне захотелось узнать: кустик это или плодое деревце, не зря же старуха везет саженец в поезде, наверное, хочет посадить у себя в саду.

И я спросил, свесившись с вагонной полки: — Скажите, пожалуйста, что это у вас за веточка? — Спросил, чтобы начать разговор с попутчицей, с которой я ехал в одном купе.

как шрамы. Как будто не жизнь, а кто-то бездушный вырезал их специально на лице и шее старухи, чтобы все видели, какая она дряхлая и беззащитная и поэтому уже ни на что не годится.

А веточка была совсем юная. Она жила в целлофановом мешочке, на треть наполненном землей, и уже была готова выплеснуть из себя зеленую нежность листвы.

Старуха молчала.

Я подумал, что она спит и не слышит вопроса. Ведь многие старухи умеют спать даже сидя и спят с открытыми глазами. Но это была не такая старуха. Она не спала и все слышала. Но пока собиралась с мыслями, чтобы ответить, прошла целая вечность.

— Березка это, — наконец ответила старуха хриплым безголосым шепотом. — А сын — в дале-

кой стране Эстонии. Вот и везу к празднику материнский подарок.

Ее ответ меня удивил: «Березка? Зачем сыну березка? Неужели старуха не знает, что в Эстонии и так много своих берез? Лучше бы связала носки или рукавицы. Какие смешные они, эти старухи».

Но затем удивление сменилось догадкой: «Ах! Вот оно что. Ну, конечно! Как же я сразу не понял, что речь — о Победе! Нет у старухи сына. Был, а теперь нету!»

И я не знал, как мне теперь быть с этой старухой.

Она сидела все так же недвижно и отрешенно. Из-под белого ситцевого платка здесь и там выглядывали еще более белые волосы, и были они похожи на снег.

Поезд шел, набирая ход. И перестук колес поезда был четким и равномерным, как удары сердца.

Но вот старуха встала с места, достала из своего мешка железную кружку, принесла воды и начала осторожно поливать березку. Затем оглянулась, словно раздумывая, что бы еще сделать, но делать ей было нечего, и она нехотя села.

Через час или два старуха снова встала, снова взялась за кружку, но в следующее мгновение я уже стоял перед ней и сказал, чтобы она не беспокоилась, и что воды я сейчас принесу.

Внимательно на меня посмотрев, старуха кивнула головой и молча протянула кружку.

В полдень в купе зашла проводница — полная пожилая женщина в черном железнодорожном берете.

— Все плачешь, — обратилась она к старухе, одновременно сочувствуя и с укоризной. — Сколько же можно плакать?

И хотя я не видел, чтобы старуха плакала, старуха, к моему удивлению, согласилась:

— Плачу, дочка, плачу. И двадцать лет прошло — плакала. И тридцать лет прошло — плакала. И теперь — плачу...

Несколько минут они сидели молча. Старуха напряженно смотрела прямо перед собой, а проводница, не зная, куда ей девать свои короткие сильные руки, разглаживала на коленях новую форменную юбку. Затем, осторожно касаясь плеча старухи, снова спросила:

— А чего так поздно собралась? Раньше почему к сыну не ехала?

— Раньше? — удивилась старуха. — А как раньше? В апреле хотела да приболела вот. Правая рука худа стала. Только на Победу и собралась.

— Да я не о том, — остановила ее проводница. — Я говорю, почему не сразу после войны, а только сейчас, когда столько лет прошло?

— Так я же не знала, дочка, где он, и что с ним — ничего не знала, — словно оправдываясь, сказала старуха. — А в этом году, в феврале месяце, объявились мне красные следопыты и все-то о моем сыне поведали. И чудно все было, как сейчас помню. Лежала я, значит, ночью и думала: «Как же так? Был человек и нет чело-

века. И вижу: летят над деревней журавлики, целая стая. И все, как один, на крышу мою садятся. Испугалась я: мороз на дворе — замерзнут журавлики. А затем смекнула, что не замерзнут, что все это во сне привиделось, но будет мне завтра весточка, обязательно будет. И правда, только рассвело, а почтальонша в окно стучится, письмо принесла. Так-то, дочка.

Голос у старухи дрогнул, осекся. И вся она, дрогнув, поникла, но тут же, пересилив себя, медленно выпрямилась и продолжала рассказывать дальше.

И как не могла она от волнения прочесть это долгожданное письмо и побежала к соседке, и как отправилась на завод, где когда-то работал сын, и в военкомат, откуда его призывали в армию, и всем говорила, что она нашла своего сына и теперь должна к нему поехать.

А следопытов, которые прислали ей письмо и которых она никогда в жизни не видела, старуха представляла себе добрыми всемогущими существами, что приходят на помощь людям.

— Да, — тяжело вздохнула проводница, — такое и не придумаешь. Чего только в жизни не бывает! Но ты мне скажи вот что: куда ты все-таки едешь? И как ты там будешь? Эстония — она ведь большая. Есть у тебя вызов или документ какой?

— Есть, дочка, есть, — доверительно сообщила старуха и вытасила откуда-то маленький, сложенный вчетверо листок бумаги.

Бережно его развернув, проводница стала искать по карманам очки и, не найдя их, снова вздохнула:

— Эх, голова садовая, забыла очки-то.

Но увидя, что я не сплю и слушаю их разговор, строго приказала:

— Слышь, лежебока, ну-ка прочти, что здесь говорится о нашей старухе.

Я взял эту бумагу. Там было написано, что Дресвянникова Александра Ивановна следует из города Пермь в Эстонскую ССР, Кохтла-Ярвеский район, Вайворский сельсовет, совхоз «Синимяэ» к месту захоронения своего сына гвардии рядового Дресвянникова Сергея Николаевича, погибшего во время Великой Отечественной войны за свободу и независимость нашей Родины. И выражалась просьба ко всем партийным, комсомольским и профсоюзным организациям оказать содействие А. И. Дресвянниковой, если в пути следования она обратится за помощью. В левом верхнем углу на бумаге четко стоял штамп районного военкомата, а внизу была чья-то энергичная размашистая подпись.

— Молодец, — обращаясь к старухе, улыбнулась проводница. — Бумага — что надо! С такой не пропадешь! — И, коротко глянув на часы, добавила: — Ладно, я еще к тебе загляну, а сейчас пойду. Сама знаешь — служба.

Свое обещание проводница сумела исполнить только поздно вечером, когда все пассажиры уже давно спали, и у нее, наконец, выдалась свободная минутка.

— Ну вот, — сказала она, довольная и запыхавшаяся. — Как вы тут без меня поживаете?

Без света чего сидите? — И, как бы продолжая прерванный дневной разговор, первым делом спросила: — Слушай, мать, а почему ты одна в этакую даль едешь? Куда твоя родня смотрит? Неужели не беспокоятся?

— А-а-а, — словно из глухого леса, откликнулась старуха. — А кому беспокоиться? Было у меня три сына, а теперь всех троих в кармане ношу — одни фотокарточки остались. Степана еще под Москвой, а Ивана под Харьковом убило. Я их после войны сразу же навестила, и березки им посадила — все, как положено. А Сережа-то у меня, младшенький, заждался меня. Он как узнал, что они убитые, так и говорит: «Пойду отомщу фашистам!» И ушел добровольцем. Может — и отомстил, а мне каково? Одна я теперь на белом свете, как перст, одна. Вот слезами и заливаюсь.

— И за что люди такие муки принимают! — не выдержав, всплеснула руками проводница. — За что, спрашивается?

— Как, за что? — строго сказала старуха. — За правду, дочка! Понимаешь, за правду!

Поезд шел все быстрее и быстрее. И всполохи света станционных прожекторов, и дрожащие тени апрельской ночи врывались в окно купе и мешали запомнить гордый профиль старухи, которая недвижно сидела у столика.

«Было у старухи три сына», — стучали колеса на стыках рельс.

«Было у старухи три сына!» — гремели пролеты мостов, по которым мы проезжали.

И встречные поезда тоже подхватывали эту ночную весть и уносили с собой, гремя и содрогаясь: «Было у старухи три сына! Было! Было! Было!»

А потом опять наступило утро. И старуха опять сидела на прежнем месте, и кружка с водой была у нее наготове. Старуха смотрела в окно. Все смотрела, смотрела, вглядываясь в такую родную и действительно бесконечную картину. И все эти поля и леса, города и поселки, фабричные трубы и корпуса цехов, блестящие ленты дорог и темные покосившиеся сараи торжественно проходили перед глазами старухи, как проходят войска перед своим командиром.

А потом мы приехали в Ленинград и теперь ей оставалось — всего ничего: сесть в другой поезд и за каких-нибудь три — четыре часа добраться до Нарвы. Она быстро собрала свои пожитки, закинула за спину тощий вещевой мешок, сказала мне «прощевай!» и торопливо направилась к выходу из вагона.

На перроне ее обступили шум и обычная вокзальная толчея, где ее никто не встречал и никто не заметил...

Старуха на мгновение остановилась, левой рукой прижала к себе березку в целлофановом мешочке и, выставив правую руку, в которой она держала легкую суковатую палку, шагнула в людской водоворот...

НАВОДНЕНИЙ НЕ БУДЕТ

Ночью Нева вышла из берегов и кинулась на улицы и набережные Ленинграда. На Васильевском острове — хоть на лодке плыви. Улицы похожи на реки.

И вот в такую погоду два человека посреди ночи ехали на автомашине в зоопарк. Даже ноги в кабине приходилось поднимать — волна пробивалась сквозь закрытые дверцы.

Прибыв, они сразу же пошли в вольер жирафов.

Два красавца — жирафы Джульетта и Мальчик — были, пожалуй, самыми популярными обитателями Ленинградского зоопарка. Мальчишек и девчонок мамы не могли оттащить от вольера. Казалось, целый день можно смотреть на этих двух великанов.

...Зоотехнику Ларисе Корниловой и ветеринарному врачу Владимиру Андрюхину так и не удалось в ту ночь ни минуты поспать. Но под утро они вышли из вольера довольные:

— У нашей Джульетты родилась дочка.

Решили тут же придумать 170-сантиметровой малышке имя.

Лариса сказала:

— Раз жирафенок родился в такую ночь, давайте назовем ее Стихийей.

А стихия угомонилась только утром. И когда люди спешили на работу, они шли мимо поваленных ветром деревьев, мимо парков, где плавали скамейки, — вода не успевала уйти. А к некоторым заводам рабочих подвозили на грузовиках.

...Нева нехотя возвращалась в свои берега.

Так закончилось еще одно из недавних ленинградских наводнений. А сколько их было

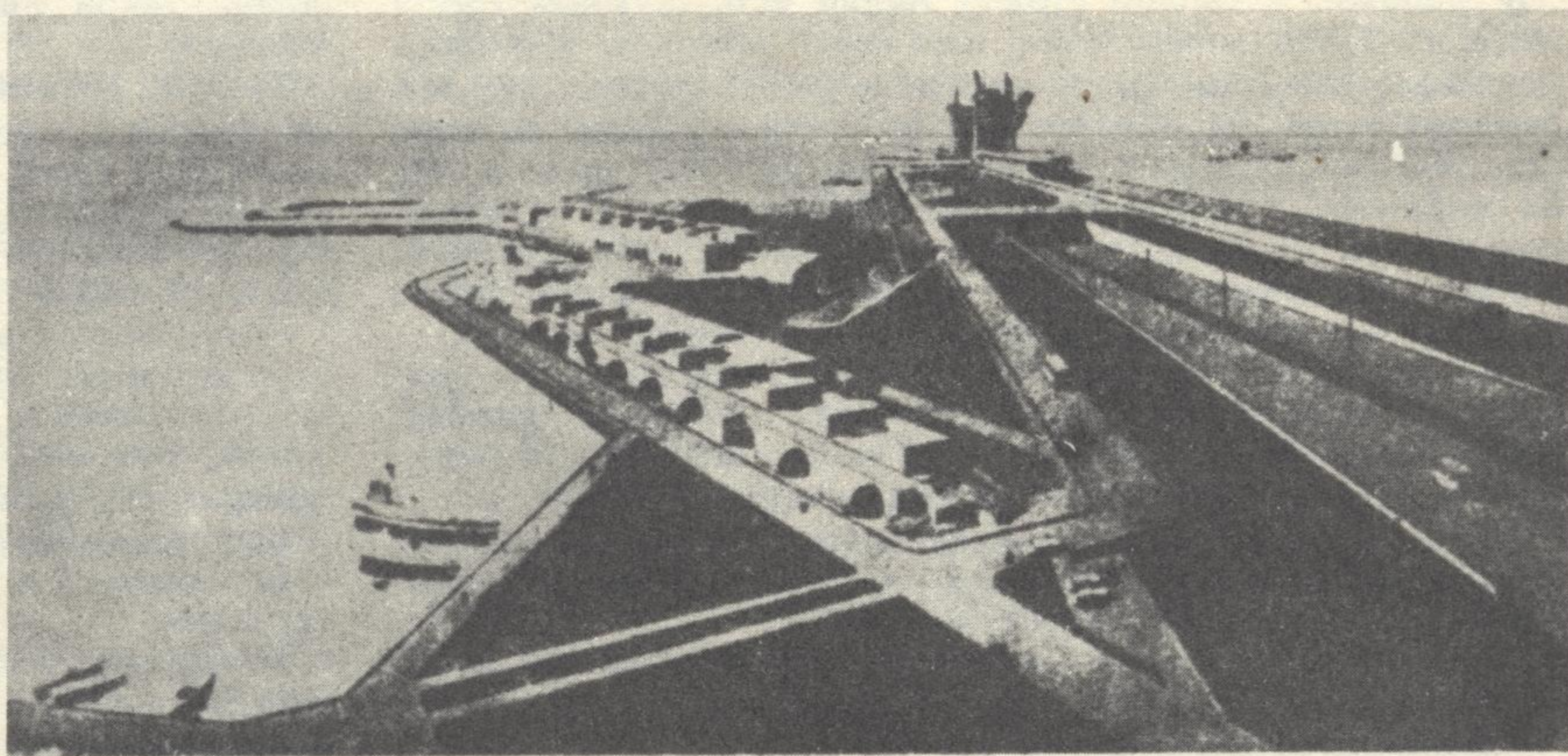
всего? Сколько раз неугомонная Нева выходила из своих берегов и обрушивала на город свои валы? Ученые подсчитали — около 250. Подсчитали и сами удивились такой большой цифре.

Еще в августе 1703 года вода унесла лес, приготовленный для строительства Петропавловской крепости. А несколько лет спустя вода начала затапливать домик Петра I, и царь писал: «Третьего дня ветром вест-зюйд такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверх пола 21 дюйм, и по городу, и на другой стороне, по улице, свободно ездили на лодках».

И Петр Первый решил — прежде чем строить новые площади и набережные столицы, надо «поднять» землю. И повелел: каждый входящий в порт корабль, каждая въезжающая в город подвода должна, помимо своего груза, везти и камни, сгружать их на берегах реки. Вот на таких «постаментях» и думал Петр строить столицу. Но после его смерти идея была забыта.

И снова и снова на город обрушивались наводнения. И самое крупное из них за всю историю — наводнение 1824 года. Помните?

...Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...

Это о том, самом крупном наводнении писал в «Медном всаднике» Пушкин. А историки нашли цифры. 324 дома тогда были разрушены, много петербуржцев погибло, множество бед наделали пожары, утонуло больше трех тысяч коров, свиней.

Летопись невских наводнений — летопись длинная и горестная. Много человеческих жизней унесли наводнения. Миллионами рублей исчисляется ущерб.

И вот решили эту летопись навсегда прервать.

Ленинградские проектировщики начали разрабатывать смелый план. Они задумали остановить стихию еще на дальних подступах к городу.

Выяснили: циклон приходит из Балтийского моря и гонит огромные массы воды в Финский залив. А чем ближе к Неве, тем теснее этому пришельцу, вода рвется из бере-

гов, из гранитных невских набережных.

Решили возвести щит, который преградит путь стихии. Богатырский щит длиной больше 25 километров поднимется над заливом.

Он будет состоять из одиннадцати дамб. Они перегордят весь Финский залив от одного берега до другого. Щит этот пройдет через город-остров Кронштадт.

Может быть, это глухая стена? Да, глухая и без единого отверстия, но только в тот момент, когда городу будет угрожать наводнение. А когда опасности нет, щит раскроет свои ворота.

Здесь будет два широких, даже шире, чем Нева, прохода — для судов, спешащих со всех концов земли в ленинградские порты. А кроме них — более 60 отверстий, через которые в обычные дни будет проходить невская вода, плыть рыба. И только по сигналу тревоги, когда служба погоды предупредит: «Городу грозит наводнение», щит закроет свои ворота. Огромные стальные ворота, по проложенным по дну залива рельсам, сомкнутся, и набегающие волны ударятся о возвышающуюся над заливом стену.

По гребню дамбы можно будет совершить путешествие на машине. Можно будет промчатся и по... дну Финского залива, по огромному подводному тоннелю.

ЦК ВЛКСМ объявил возведение сооружений защиты Ленинграда от наводнений Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

С. ВОЛОДИН

В далекой и теплой стране Индии есть шумный город Мадрас. Очень может быть, мой юный читатель, что когда ты вырастешь, ты приедешь в него. И тогда, как все приезжающие, ты обязательно пойдешь на берег океана, где увидишь большие неторопливые волны и редкий лес из деревьев, которые называют казуаринами. Они очень похожи на наши сосны, только иголки у них длинные, гораздо длиннее сосновых. Еще ты увидишь здесь песок, который тысячами выбрасывают на берег волны.

Так вот, если идти по этому песку много дней, ты приедешь на самый край Индии и увидишь зеленые острова. Небольшие, низкие, они цепочкой уходят от берега в океан и упираются в большую гористую землю Ланку.

То, что острова идут один за другим, и то, что по ним не так уж трудно перебраться на Ланку, делает их похожими на огромный разрушенный мост.

А если ты спросишь индийцев, которые живут здесь на берегу океана в городах Тутикорин и Мандапам, как появились эти острова, они ответят:

— Это и впрямь остатки моста. Да, да — остатки моста, который построил когда-то Рама. Он построил его для того, чтобы покорить Ланку. Это был великий и трудный

поход. Такой великий, что память о нем не изгладится никогда!

Так ты впервые услышишь имя Рама. И если потом, путешествуя по стране, начнешь расспрашивать, кто же такой был Рама, то убедишься, что во всей Индии нет ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, кто не знал бы сказания о Рама, его жене Сите и их друге обезьяне Ханумане.

Мало того, ты убедишься, что никто во всей Индии (а я добавлю, что и во всех прилегающих к ней странах) не сомневается, что из всех великих воинов Рама был самым великим, из всех прекрасных жен Сита — самой прекрасной, а из всех друзей Хануман — самым верным и предприимчивым.

Вот почему я считаю своим долгом рассказать тебе их историю.

Я сделаю это, сокращая то, что долго рассказывать, опуская события, способные внушить непреодолимый ужас, и умалчивая о том, что с течением веков перестало считаться успехом или потерей право именоваться доблестью.

Итак, слушай внимательно.

Святослав САХАРНОВ

रामायणम् च विनाय, एतद् य जगत्सामग्र्यं पश्यन्ति अनुपमम्

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС

Рисунок К. Овчинникова

Рама и Сита

Давным-давно в Индии жил могущественный царь — раджа. Он правил богатым и сильным государством, со столицей в городе Айодхья. У него было несколько жен и несколько сыновей, самого старшего сына звали Рама, одного из младших — Лакшмана.

Эти два брата очень любили друг друга.

Случилось однажды Рама быть в столице соседнего государства. Проезжая мимо дворца тамошнего раджи, он увидел в одном из окон девушку необычайной красоты.

— Кто это? — спросил Рама торговки, которые сидели у дворцовых ворот.

— Это Сита, дочь нашего правителя!

Рама повернул коня, чтобы еще раз взглянуть на девушку, но, когда снова очутился под окном, оно уже было плотно закрыто.

Рама вернулся в Айодхью и рассказал об этой встрече брату.

— Мне кажется, что я полюбил ее с первого взгляда, — признался он. — Что делать, Лакшмана? Может быть, рассказать обо всем отцу и матери? Или — нет, мужчине пристало умение ждать...

А в те далекие времена в Индии был обычай сваяивар, по которому, для того чтобы невеста

могла выбрать себе жениха, в ее честь назначались состязания. На них съезжались юноши, они соревновались в стрельбе из лука, в борьбе, в метании копья. Победителю, если, конечно, он был по душе, невеста надевала на шею венок — этим она давала знать, что согласна стать его женой.

И вот вскоре отец Ситы решил, что настало время выдавать дочь замуж.

Как только эта весть достигла Айодхьи, Рама и Лакшмана стали собираться в путь. В назначенный день рано утром они уже въезжали на колесницах в город, где жила Сита. Здесь все уже было готово к празднику, на каждом углу развевались пестрые флаги, играла музыка, над очагами, где разогревались кушанья, вились сладкие дымки. По улицам то и дело катили украшенные цветами колесницы. С главной площади доносился нетерпеливый гул толпы.

— Как бы нам не опоздать! Поторопим коней! — крикнул Лакшмана.

Они въехали на городскую площадь. Тут все уже было готово к состязанию: в беседке, украшенной цветами, сидели Сита и ее отец, напротив них стояли кучкой приехавшие со всех концов Индии женихи. Толпа запрудила окрестные улицы.

Загремели и смолкли барабаны. Царь встал и сделал знак, требуя тишины.

— Много лет тому назад, — начал он, — один из моих предков получил в подарок от всемогущего бога Шивы лук. Он был столь тяжел и крепок, что никто никогда не мог ни поднять, ни натянуть его. Сегодня этот лук будет вынесен на площадь. Тот, кто сможет согнуть его, станет мужем моей дочери. Я сказал!

С этими словами царь кивнул слугам. Те устремились во дворец и вскоре вернулись, сгибаясь под тяжестью необычной ноши. Увидев, сколь велик лук и как толста его тетива, женихи приуныли.

Слуги дотащили лук до середины площади, положили на землю и удалились.

К нему по-одному стали подходить женихи. Сначала силу пробовали самые молодые. Они приближались к луку, брались за него, напрягали мышцы, пот струился по их лицам, но никто не смог даже на палец оторвать его от земли.

Затем выступили женихи постарше. Это были настоящие силачи. Они выходили на середину площади, гордясь своим ростом, силой рук и прежними подвигами. Некоторым из них удавалось приподнять конец древка и даже ухватиться за тетиву, но... лук падал, а тетива оставалась недвижимой.

И вдруг в толпе раздался ропот.

Из шеренги женихов вышел чернобородый воин. Его глаза горели жестоким огнем. Он подошел к луку и без видимого усилия приподнял его с земли. Все ахнули, царь привстал с сиденья, а Сита почувствовала, как страх проникает в ее сердце.

— Кто это? — спрашивали друг у друга жители города.

Воин упер конец лука в землю, ухватился одной рукой за древко, ладонь другой наложил на тетиву. Толстые кривые пальцы впились в нее, мышцы рук напряглись и стали похожи на камни. Тетива начала медленно оттягиваться.

Среди женихов послышались горестные крики.

— Уж не сам ли это Равана — непобедимый? — заговорили в толпе.

Богатырь напряг все силы. Жилы на его лбу надулись, концы лука начали сближаться. Но... раздался звон, подобный звону сабли, тетива вырвалась из рук, лук распрямился и упал на землю.

И тогда богатырь издал ужасный рев. Он топал ногами и ревел, как раненый слон. Глаза его налились кровью, облик, до того четкий и ясный, стал зыбким. Тело потеряло прежние очертания, вместо одной головы выросли десять, а две руки превратились в двадцать.

— Горе, горе нам! Это и верно Равана, царь ракшасов, демон среди демонов, владыка бродящих ночью, воин, не знающий жалости! — кричали в толпе.

Не успела испуганная Сита разглядеть того, кто чуть было не стал ее мужем, как ракшас поднялся в воздух и исчез, как исчезает столб пыли, развеянный ветром.

И тогда на площадь вышел Рама. Он подошел к луку, медленно поднял его и, разведя могучие плечи, стал натягивать тетиву. Черное, блестящее

тяжелое дерево уступало сильным рукам — тетива все дальше отделялась от древка и, наконец, лук не выдержал: раздался треск, похожий на удар грома, крыши домов задрожали — лук разлетелся пополам.

Крики радости переполнили площадь.

— Он победил! Слава царевичу из Айодхьи! — кричала толпа.

Царь встал, подняв в приветствии руки, а Сита вышла из беседки, приблизилась к Раме и, потупя глаза, возложила на него венок.

Сыграли свадьбу. Рама вернулся во дворец отца и стал помогать ему править.

Вместе с ним в Айодхью приехала Сита.

Кайкейя

Шли дни. Старый раджа с каждым месяцем чувствовал себя все хуже и хуже. Наконец настал час, когда он решил передать Раме царство и удалиться на покой.

Но, кроме жен, от которых родились Рама и Лакшмана, у раджи была еще одна — самая молодая — жена по имени Кайкейя. У них тоже был сын.

Служанкой Кайкейи была кривоногая горбунья, существо злобное, ненавидящее весь мир.

И вот однажды эта служанка вышла из дворца, чтобы послушать городские сплетни, и заметила, что улицы полны какой-то особой праздничной суетой.

«Что это готовится?» — удивилась она и обратилась к первому же встречному с этим вопросом. Тот узнал ее.

— Ты живешь во дворце и не знаешь? — удивился он. — Ведь завтра нашим государем станет мудрый и добрый Рама. Отец уступает ему власть. Все уже готово к коронованию!

Он удалился, весело напевая, а горбунья, дрожа от гнева — она ненавидела статного и красивого Раму, бросилась назад во дворец. Там она разыскала Кайкейю.

— Беда, беда, о махарни! — запричитала служанка. — Ты сидишь у окна и любишься в саду павлином, а Рама уже готов надеть на голову корону отца... Почему ты не побледнела от испуга?

— Я уже слышала эту новость от самого Рамы, — спокойно ответила Кайкейя. — Так будет лучше, это решил сам раджа. Почему я должна бледнеть? Мне бояться нечего.

— Разум покинул тебя, госпожа! — продолжала горбунья. — Разве ты не понимаешь, как изменится теперь твоя жизнь? Сегодня ты любимая жена правителя, первая среди трех жен, а завтра? Он покинет дворец, и ты станешь никем. Рама коварен, он не захочет делить власть — он изгонит из страны твоего сына. А его мать? Она только притворяется доброй. Она начнет унижать тебя и превратит в простую служанку!

Кайкейя была доброй, но недалекой женщиной. Услышав слова горбунии, она испугалась. «А что, если и верно Рама и его мать до сих пор только притворялись моими друзьями?» — подумала она.

— Ведь раджа больше всех жен любил меня, значит, им было выгодно вести себя именно так... Неужели мы станем нищими? Бедный мой сын!»

И, обращаясь к горбунье, вся в слезах, она попросила:

— Что же делать? Научи меня!

Надо сказать, что служанка была опытна в дворцовых интригах и давно втайне вынашивала план, как избавиться от Рамы и сделать сына Кайкейи единственным наследником.

Этот план она рассказала своей госпоже. Мало того, она подробно объяснила ей, как следует себя вести и о чем говорить с раджой.

Скрепя сердце, Кайкейя согласилась. Растре-

пав волосы и размазав по лицу слезы (они были уже не такими притворными), она стала ждать, когда раджа в обычный час навестит ее.

Он пришел вечером, когда павлины в садах перестают ворчать и усаживаются на ветки, а беспокойные мангусты, гроза змей и лягушек, выходят на охоту.

Увидя Кайкейю, лежащую на полу и сотрясающуюся от рыданий, царь воскликнул:

— Кто посмел обидеть тебя?

На что Кайкейя отвечала:

— Никто, о царь. Но я плачу потому, что ты, такой честный и преданный долгу, забыл свои обещания.

— О чем ты говоришь, Кайкейя? — воскликнул царь. — Не было случая, чтобы я не держал данное мной слово.

— Это так, — возразила младшая жена, — но помнишь — много лет назад — битву под стенами города? Ты дрался, не ведая страха, но был сражен копьем. Истекающий кровью, лежал ты на поле, и коршуны уже кружили над тобой.

— Так, — сказал царь, потому что всегда помнил этот страшный миг.

— Кто прокрался ночью на поле брани, нашел тебя, омыл и перевязал раны? Кто отогнал злых птиц и приложил к губам твоим целебные травы? Кто перенес тебя во дворец?

— Это сделала ты, Кайкейя! — сказал царь.

— И вот тогда, вспомни, придя в себя, ты предложил исполнить любые мои два желания. Ты умолял назвать их...

— Да, я прекрасно помню все это, — не подозревая ничего худого, весело сказал царь. — Я и сейчас готов исполнить обещание. Тогда ты сказала, что повременишь — назови эти два желания теперь.

— Хорошо, я скажу. Вот они: первое — чтобы правителем страны после твоей смерти стал мой сын. Второе — чтобы Рама тотчас отправился бы в изгнание. Он должен уйти в лес и прожить там четырнадцать лет. Я сказала.

Долго молчал царь, не в силах поверить услышанному.

— О Кайкейя! — наконец воскликнул он. — Что слышу я? Или это дурной сон и мне только кажется, что я разговариваю с тобой? Или в груди у тебя камень вместо сердца? Ты знаешь, что ни один раджа, если он действительно раджа, а не злобный временщик, никогда не посмеет отказаться от своего слова... Что требуешь ты? Зачем? Неужели я столько лет обманывался, считая тебя доброй?.. Но я обещал, и я исполню твои желания.

С этими словами царь удалился, а Кайкейя, оставшись одна, снова залилась слезами. Она не радовалась этой победе, понимая, что теперь ей предстоит быть жестокой до конца.

Изгнание Рама

На другой день чуть свет она приказала позвать Раму к отцу.

— Я прибыл! — сказал Рама, входя в зал и почтительно склоняясь перед раджей. — Ты хочешь мне что-то сказать, отец?

Но подавленный горем старик молчал. И тогда заговорила сидевшая у его ног Кайкейя.

— Готов ли ты исполнить волю своего родителя, Рама? — спросила она.

— Всегда, матушка!

В старых индийских семьях, когда случалось одному мужчине иметь несколько жен, дети их всех называли матерями.

— Какой бы суровой она ни была?

— Пусть отец приказывает.

— Отцу больно говорить, и его волю сообщу я. Он решил, что ты должен отправиться в лес и жить там четырнадцать лет, не вмешиваясь в дела государства. После этого ты можешь вернуться. Я сказала.

Ошеломленный стоял Рама перед отцом.

— Что слышу я? — воскликнул он наконец. — Это изгнание, но за что? Ты знаешь, отец, по одному твоему слову я пойду в огонь, выпью яд, брошусь в океан. Но сейчас, когда управлять страной тебе все труднее... Неужели правда, что это твоя воля?

Старый раджа, еле сдерживая слезы, кивнул.

Понурился Рама удалился.

Медленно прошел он по залам в дальнюю половину дворца, где с нетерпением ждали его Сита и Лакшмана.

Они гадали: зачем понадобилось отцу так рано вызывать Раму?

— Я думаю, он хочет поручить ему вести новую войну с соседями, — говорила Сита. — Они все время нападают на наши города и жгут наши деревни.

— Нет, — возражал ей Лакшмана. — Я думаю другое. Отец решил дать ему еще несколько советов, как управлять страной. Ведь это большое искусство!

В комнату вошел Рама.

— Сита и Лакшмана, — сказал он, — отец приказал мне удалиться в лес на четырнадцать

лет. Это — изгнание, хотя я и не знаю — за что. Долг детей — слушаться родителей. Я удаляюсь. Живите счастливо, не беспокойтесь обо мне. Годы пройдут — я вернусь.

Пораженные Лакшмана и Сита долго не могли прийти в себя от этой вести.

Первой заговорила Сита.

— Ты прав, Рама, — печально сказала она. — Волю отца надо исполнить. Но и я последую за тобой.

Лакшмана вскричал:

— Нет, нет! Это Кайкейя! Отец не мог принять такого решения. Это она подговорила его. Она ненавидит нас. Сейчас же иду к отцу!

— Не делай этого. Ему и так тяжело. Своими неводержанными речами ты убьешь его! — отвечал Рама.

— Тогда я отправляюсь в лес с вами!

Решив так, они покинули дворец. Ни одна живая душа, кроме молчаливых стражников, не видела их, и только когда они проходили мимо покоев Кайкейи, на одной из дверей, низко, у самого пола, шевельнулся занавес, словно там стоял кто-то, подглядывая.

Они прошли тихими утренними улицами Айодхьи, вышли за городские стены и оказались в поле. Но едва они очутились там, с большого сухого дерева, что стояло около дороги, слетел ястреб и стал кружиться над ними.

Все дальше и дальше от города уходили братья, а ястреб в небе все сопровождал их.

— Что надо этой птице? — грустно спросил Рама. — Уж не предвещает ли она нам новые беды?

— Я пушу стрелу и собью ее! — сказал Лакшмана.

— Не следует этого делать, — возразила Сита. — Ведь это Джатаю, царь ястребов. Когда-то он летал в паре со своим братом. Разве вы не слышали их историю?

И она рассказала братьям о двух ястребах.

Рассказ о Джатаю, царе ястребов, и его брате

У ястребов, самых быстрых и смелых из птиц, был свой царь, которого звали Джатаю. Он жил вместе со своим младшим братом, они оба очень любили друг друга и никогда не разлучались.

Надо сказать, что все птицы боятся смотреть на солнце и только самым отважным и сильным дано это счастье. Джатаю и его брат очень гордились тем, что могут не закрывая глаз разглядывать дневное светило.

Но однажды Джатаю сказал:

— О брат мой! Меня терзает любопытство. Мы с тобой одни из немногих, кому боги дали волшебный дар смотреть на солнце. Но то, что видим мы, ничего не прибавляет к тому, что мы давно знали о божественном диске. Я думаю, что это происходит оттого, что мы смотрим издали,

а издалека даже самое прекрасное дерево кажется лишь темным пятном. Давай взлетим в небо и постараемся взглянуть на солнце вблизи!

— Я всегда с тобой! — ответил младший брат, и две гордые птицы поднялись в воздух.

Сначала они кружились, поднимаясь все выше и выше, в воздухе, теплом, напоенном ароматом цветущих лесов. Потом воздух стал прохладным и только едва заметные запахи говорили о том, что под ними поля, полные зеленых трав и посевов пшеницы. Затем он стал чистым и прозрачным, как родниковая вода, холодным, как лед, а солнечные лучи, пронзавшие его, стали подобны раскаленным иглам.

Все выше поднимались два ястреба, все нестерпимее становился солнечный жар.

— Останься, я полечу дальше один! — сказал Джатаю. — Ты чувствуешь, как ранят огненные стрелы? Я лечу выше!

— Я всегда с тобой! — отвечал брат.

Они поднялись еще выше, и земля внизу стала похожей на голубой океан, а снежные Гималаи, выше которых нет гор на свете, стали казаться белыми зубчиками.

— Брат мой, умоляю тебя, останься! — снова попросил Джатаю.

— Я всегда с тобой! — в третий раз ответил ему брат. Они приблизились к солнцу и широко раскрытыми глазами взглянули на него. И тогда боги, возмущенные их дерзостью, приказали солнцу вспыхнуть с утроенной силой. Поток обжигающих лучей хлынул навстречу птицам.

Младший брат сразу почувствовал, как начинают тлеть его перья, и понял, что сейчас наступит их гибель. И тогда, развернув крылья, он взлетел и заслонил Джатаю от солнечного огня, который обрушился на него, воспламенил крылья и хвост, обуглил перья на груди и выжег глаза, потом настиг Джатаю и обе птицы, кувыркаясь, полетели к земле.

Крылья, которые ценой жизни сберег ему брат, спасли Джатаю. Он остался жив, но покинул своих подданных и стал птицей-отшельником, чтобы тоскуя размышлять на досуге о силе братской любви и неистовом стремлении богов хранить свои тайны...

Так закончила царевна свой рассказ, и все трое, подняв лица, долго смотрели, как описывает в небе круги огромная птица.

Между тем солнце поднялось над горизонтом. Подул жаркий ветер, и пыль столбом встала на поле.

Путники вышли на дорогу и отправились по ней туда, где за морем желтых возделанных полей виднелась полоска синего леса.

К вечеру они достигли его и углубились в самую чащу. Так они брели день за днем, ночуя на деревьях или в пещерах, открытых среди корней, пока не наткнулись на убогую хижину, из которой на звук их шагов медленно вышел глубокий старик.

Склонившись в приветствии, старец произнес:

— Я ждал вас, Рама и Лакшмана. Входи и ты, Сита.

Встреча с отшельником

Это был знаменитый отшельник Агастья. Много лет прожил он в лесной глуши, питаясь кореньями и плодами, размышляя о смысле жизни и назначении человека.

Агастья ввел усталых путников в свою хижину, а когда они отдохнули и разделили его скудную трапезу, сказал, обращаясь к Рама:

— Боги поручили мне открыть твое предназначение, о лучший из царевичей, муж прекраснейшей из женщин!

Да будет известно тебе, а также тем, кто сопровождает тебя в странствиях, что прежде чем ты родился на свет, было время, когда глубокая печаль объела страну и повергла в раздумья богов.

Причиной был Равана.

Вы все, конечно, знаете, что на земле Индии испокон веков, кроме людей, живет могучее и злобное племя демонов — ракшасы. И если люди все свои дела совершают днем, при свете солнца, то ракшасы выходят из темных лесов и спрятанных в глубине гор ущелий только когда лучезарное светило скроется за горизонт. Они бродят во тьме, оскверняя алтари, пьют кровь спящих животных, похищают людских жен и убивают застигнутых в дороге воинов.

Но ракшасы смертны, и исстари люди, звери, а также боги, охраняющие людей и зверей, боролись с ними и побеждали.

Но вот много лет назад среди ракшасов родились два брата — Равана и Кумбкахарны.

Не было демонов свирепее и сильнее их.

Равана был ростом с гору, имел десять голов и двадцать рук, и не было никого, кто мог бы сравниться с ним в метании копья или стрельбе из лука. Он был быстр и беспощаден.

Кумбкахарны был еще больше ростом и еще сильнее. Когда он вступал ногой в океан, вода выкатывалась на берег, а если ему приходилось идти среди гор, то он, задевая их, сворачивал вершины, и земля тряслась так, что рушились дома. Правда, он любил поспать и мог пролежать с закрытыми глазами, похрапывая целый год. Еще он был прожорлив, и боги, взирая с небес на опустошения, которые он причинял полям и стадам, часто задумывались: не ввергнет ли он, в конце концов, в голод всю Индию?

И они решили испытать силу братьев, приказав им уничтожить легион злых духов, передвинуть семь гор и углубить ложа четырнадцати морей.

Все сделали Равана и Кумбкахарны.

Тогда пораженные боги сообщили им через посланца, что готовы в награду исполнить их любые желания.

— Я не боюсь никого из людей, — сказал Равана, — и поэтому прошу одного: чтобы мне не грозила смерть от руки богов или от когтей и клыков зверя.

— А я вообще никого не боюсь, — сказал, зевнув, Кумбкахарны. — Мне бы только спать да есть вволю!

Боги согласились исполнить эти желания. С тех

пор Равана стал могущественнейшим из ракшасов, а Кумбкахарны погрузился в вечный сон, из которого он выходит раз в пять лет, чтобы насытиться и снова уснуть.

Местом своего жительствова братья выбрали остров в океане.

Однако с тех пор не стало никому спасения от свирепого Раваны: он носился по земле, сея повсюду смерть и ужас. Ни могучие звери, ни сами боги не могли защитить людей от злого демона.

Тогда боги снова собрались на совет: что делать с безжалостным ракшасом? И вспомнили, что, прося волшебного дара, Равана забыл смерть от руки человека.

Они решили, что пора родиться герою, который избавил бы мир от злого демона. И вот тогда в Айодхье родился ты, Рама. Живи, не страшась ничего, и знай о своем предназначении. Я сказал все...

Братья долго молчали, пораженные, а потом Лакшмана воскликнул:

— Так вот для какого великого подвига ты рожден, брат!

— И все-таки берегись Раваны, муж мой! — сказала Сита. — Будь осторожен.

— Я не питаю против него зла и не ищу его смерти, — задумчиво сказал Рама, перед глазами которого встал облик гневного ракшаса. — Все, к чему устремлены мои помыслы, о Агастья, это найти в глубине леса место, где мы могли бы прожить определенные отцом четырнадцать лет.

— Такое место я вам укажу, — согласился отшельник. — Оно в трех днях пути отсюда. Но

лес полон опасностей: даже в самую глубину его проникают хищные звери и злые демоны. Я дарю тебе этот волшебный колчан. В нем никогда не иссякают стрелы!

С этими словами отшельник снял со стены и протянул Рама колчан, в котором лежали три стрелы.

— Эти две стрелы — простые, — сказал Агастья. — Их ты можешь тратить, не задумываясь. А вот эта с алмазным наконечником, храни ее до решающей битвы с Раваной!

Приняв колчан, Рама низко поклонился старцу, и нетерпеливый Лакшмана тут же вытащил одну из простых стрел. Тотчас на ее месте появилась новая.

— Благодарим тебя, мудрый Агастья! — сказали в один голос Рама, Лакшмана и Сита.

После этого все трое вышли на лесную тропу, и Агастья указал им путь.

Действительно, пройдя три дня, они достигли большой поляны, раскинувшейся на берегу прозрачной реки. Поляну с трех сторон окружал лес. В нем бродили бесчисленные кабаны и олени, пели птицы, в реке плескалась рыба.

Здесь братья построили хижину и стали в ней жить. Рама и Лакшмана каждый день по очереди уходили в лес и приносили добычу. Сита готовила еду. Еще она посадила на берегу реки немного кукурузы и бобов.

Братья никогда не уходили в лес вдвоем. Они понимали, что нельзя оставлять в хижине беззащитную женщину. И действительно, беда надвигалась. Она пришла неожиданно.

Продолжение следует

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

В ПОИСКАХ ЖАР-ПТИЦЫ

В Псковской художественной школе Олег Николаевич Цветков ведет уроки рисунка и композиции. Говорит он негромко, спокойно, никогда не повышает голоса. В классе его не сразу найдешь, он сидит то за одним, то за другим мольбертом — поправляет, показывает. Или рисует сам. Ребятам важно видеть и знать, как рисует их учитель.

Любят ли его? Скажу только, что выпускники Олега Николаевича (конечно, те, кто выбирает профессию художника) хотят непременно поступить в институт, который недавно закончил их учитель, — в Ленинградский педагогический.

Классы, где занимаются ребята, небольшие, уютные: мягкие портьеры, гипсы, папки с рисунками. Но другое дело — побывать в мастерской художника.

Мастерская Цветкова в старом

деревянном доме. Ребята поднялись по расшатанной лестнице и попали в комнату, где жарко топилась печка. Застыли, с любопытством оглядываясь.

Комнатка казалась совсем маленькой, потому что была наполовину срезана косым потолком — мастерская под самой крышей. У оконца протянулся длинный стол, на нем цинковые и медные доски, папки, кисти, краски, лаки. Рядом мольберт и старенькое кресло. И песенка закипающего на плитке чайника... Здорово! Ребята озирались, рассматривая каждую мелочь. Они пришли сюда, чтобы увидеть, как рождается гравюра.

Олег Николаевич показал только что сделанную гравюру. Она называлась: «Моя мастерская».

Эта мастерская ничуть не походила на комнатку, в которой толпились

ребята. Она была большая, с антресолями. Чего здесь только не было! И вид из окна совсем другой — там выстроились башни домов волнующе незнакомого города.

— Она не похожа на вашу мастерскую, — удивленно сказала Люда.

— Наверно, у вас когда-нибудь будет такая? — предположил Саша.

— Она у меня уже есть, — невозмутимо ответил Олег Николаевич.

— А где же она? — заинтересовались ребята.

— Здесь. На гравюре, — сказал Цветков и улыбнулся. — Я ее выдумал. А теперь за дело.

Искусство гравюры не входит в программу художественной школы. И, конечно же, после того как ребята побывали в мастерской, они тоже решили заняться гравюрой. Начались первые опыты, первые удачи...

Продолжение на стр. 40.

Акмурат ШИРОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунок Л. Иванова

По ночам бабушка сильно кашляла. Спали мы вместе в одной комнате. При свете керосиновой лампы, сидя на пестром ватном одеяле, я часто видел, как она заходилась от кашля, непрерывно мотая головой, и в конце концов превращалась в неподвижный синий клубок. Я приносил ей воду в алюминиевой кружке, зачерпнув из ведра, стучал ладонью по спине, но это не помогало. Было одно средство — кальян. Только припав к кальяну, вдохнув целебный дым, она успокаивалась.

Курила бабушка с первых лет замужества. Я представлял себе молодых женщин, сидящих кругом и из рук в руки передающих медный кальян. Они брали его руками в браслетах, баловались дымом, перебрасывались прибаутками, хохотали, словом, — веселились.

Сколько раз пыталась бабушка бросить курить: велела мне то прятать кальян, то высыпать табак в помойную яму, то еще что-то, — и все напрасно. После кратковременных перерывов она снова возвращалась к кальяну. И я уже не верил, что она бросит курить.

От старинного шумного городка бабушкиной молодости уже ничего не осталось: ни улочек, петлявших меж глухих дувалов, ни айванов с резными столбами, ни серхузов*, ни двухэтажных амбаров, ни прокопченных дворов, разделенных на скотные и жилые дворы, а жилые — в свою очередь — на женские и мужские половины.

В разных городах я видел, как берегут старину,

а у нас ее уже не было. Я знал, что в былые времена наш городок славился своими базарами, гремевшими по пятницам. Из дальних и близких кишлаков сюда стекались в тяжелых облаках пыли длинные вереницы людей, ведущих навьюченных ослов и верблюдов. Их обгоняли верховые.

Продавалось все: ковры, расчески, гончарные изделия, одежда, кунжутное масло. Мальчишки зарабатывали деньги, работая водоносами. Тут же выступали канатоходцы, соревновались в острологии масгарабазы, состязались бахши*.

Рядом с базаром стоял мавзолей святого, имя которого носил городок. Там приносились жертвоприношения, и поэтому рядом всегда толпились оравы детей, нищих, дервишей и просто любителей бесплатно поесть.

Над городом возвышалась каменными неприступными стенами крепость. В ней когда-то располагалась местная полиция с подчиненным ей зинданом**, колодками, средневековыми орудиями пыток. Колодки — два длинных бревна с отверстиями: одно для ног, другое для шеи. Я помню, как мы потом их на дрова рубили. Закованные в них лежали на полу в один ряд. Надзиратели считали арестантов носком сапога по бритым головам, торчащим за бревном, как тыквы.

Говорили, что под крепостью проходила подземная дорога, соединяющая соседние укрепления. Вдоль всей Аму-Дарьи, по обоим берегам

* Дувал — глинобитная стена; айван — веранда; серхуз — бассейн (туркмен.).

* Масгарабазы — скоморохи; бахши — певец и музыкант.
** Зиндан — подземная тюрьма.

реки, еще тянулись крепости с незапамятных времен. При осаде одной из них через подземный ход соседи могли выслать подкрепление. Потом, по рассказам, там обитала гигантская змея, ювха — поглотительница.

История родного городка для меня была окрашена романтикой; бабушка же неохотно вспоминала о прошлом, отмахиваясь: эх, не спрашивай!

В старом городе я находил заброшенные, полуразвалившиеся дома. Я играл в развалинах, босиком бегал по колючкам, лазил на стены, искал клад, находил всякий хлам и кости, наступал на змей, — как их много было! Это были кобры, эфы, гюрзы, змеи с колокольчиками и с очками, с рогами и двухголовые, шипящие и гремящие, чешуйчатые и полосатые, жирные и сухие, большие и маленькие. Они жили в потолках домов, обвивая балки; под полом, иногда вылезая из щелей. Бабушка говорила, если мы их не тронем, они не тронут нас. И действительно, мы ладили. Змеи так сильно вошли в мое воображение, что редко мне снились потом сны без змей...

Бабушкин брат жил за рекой на острове. На острове, потому что за островом была еще река: рукав все той же Аму-Дарьи.

Острова заросли белым сухим камышом и ериантусом. Обитали там утки, фазаны. На иные из них вброд перегравлялись коровы — сами паслись свободно, сами и возвращались. Часто на островах случались пожары. Языки пламени все слизывали начисто, и острова казались черными лоскутами. Иногда перед сном, выходя из дому, мы видели, как над рекой пылает небо.

Река часто меняла русло, будто скучно ей было течь по одной и той же дороге. Сжирала берега жадно, ненасытно, большими кусками.

Мы часто переправлялись в гости к бабушкиному брату и всегда несколько человек — родственники. Считали, что так интереснее. Собираться начинали с утра. Женщины в казане жарили катламу*: слоеную, большую, круглую, сверху посыпанную сахаром. С десятков лепешек катламы укладывали в огромное деревянное корыто и накрывали шерстяной скатертью, чтобы донести их теплыми. К корыту я не приближался: от него несло жаром. Тащили по очереди на голове, пока не добирались до берега. Транспорта никакого не было, разве что изредка кто-нибудь из своих провожал на ишаке, но вообще то предпочитали не подвергать соблазну провожающего: знали, что того, кто дойдет до реки, непременно потянет и за реку.

В нашем путешествии была своя прелесть. По узеньким тропинкам, проложенным через сухие заросли, мы один за другим пробирались вперед, ориентируясь на гул реки. Гул слышался за километр, и чем ближе подходили, тем громче он становился.

Иногда дорогу нашу перебежали зайцы, иногда с шумом подымались фазаны с красивым оперением; изредка слышался вой шакалов и хрюканье кабанов. Вот тигры никогда не встречались, хотя слухи о них ходили.

Когда, наконец, впереди открывалось огромное водное пространство, несущее прохладу и запах рыбы, я сползал вниз и бежал к берегу.

— Не подходи близко! — предостерегали вслед — слова еле различались в гуле реки.

Один из дядьев вплотную подходил к берегу, складывал руки рупором и протяжным голосом отправлял весть через реку на другой берег:

— Га-аз-ан-а-а-га-а!

Раздавалось эхо, и казалось Газан-ага, лодочник, отвечает оттуда своим же именем.

На реке появлялась черная точка, она все увеличивалась и постепенно превращалась в усиленно гребущих людей. Чтобы не жариться на солнцепеке, пока причалят лодочки (неизвестно было, когда они причалят: через час, через два), собирали верхушки камышей, связывали, закидывали охапками трав — получались неплохие шалаши. И по два-три человека прятались в этих шалашах.

Трудно было спускаться в лодку. Причала не было. Ноги вязли в топи, лодка кренилась. Я думал: вот сейчас мой огромный дядя ступит в лодку, и мы перевернемся. Под тяжестью садящихся лодка все больше и больше оседала, до воды так близко становилось — теперь я не сомневался, что утонем.

Один из лодочников, стоя с длинной жердью на руле, отталкивался от отплывающего куда-то косо, кружа голову, берега.

— О, аллах! — призывала бога на помощь бабушка, прижимая меня к себе, несмотря на то, что она была старой «морячкой». — Помоги нам, отец Нух!

Лодочники распускали белый парус, и парус наполнялся откуда-то появившимся ветром. Лодку быстрее, плавнее уносило от берега. Хотя меня перед отплытием кормили, на реке разыгрывался аппетит. Бабушка отламывала катламу. После еды, естественно, хотелось пить. Наклоняясь, кружкой зачерпывали воду, потом отстаивали, чтобы осел ил. Все смаковали эту чрезмерно вкусную воду, святую воду, как все считали: кормилицу, дарительницу жизни — мочили ею глаза, молились на нее.

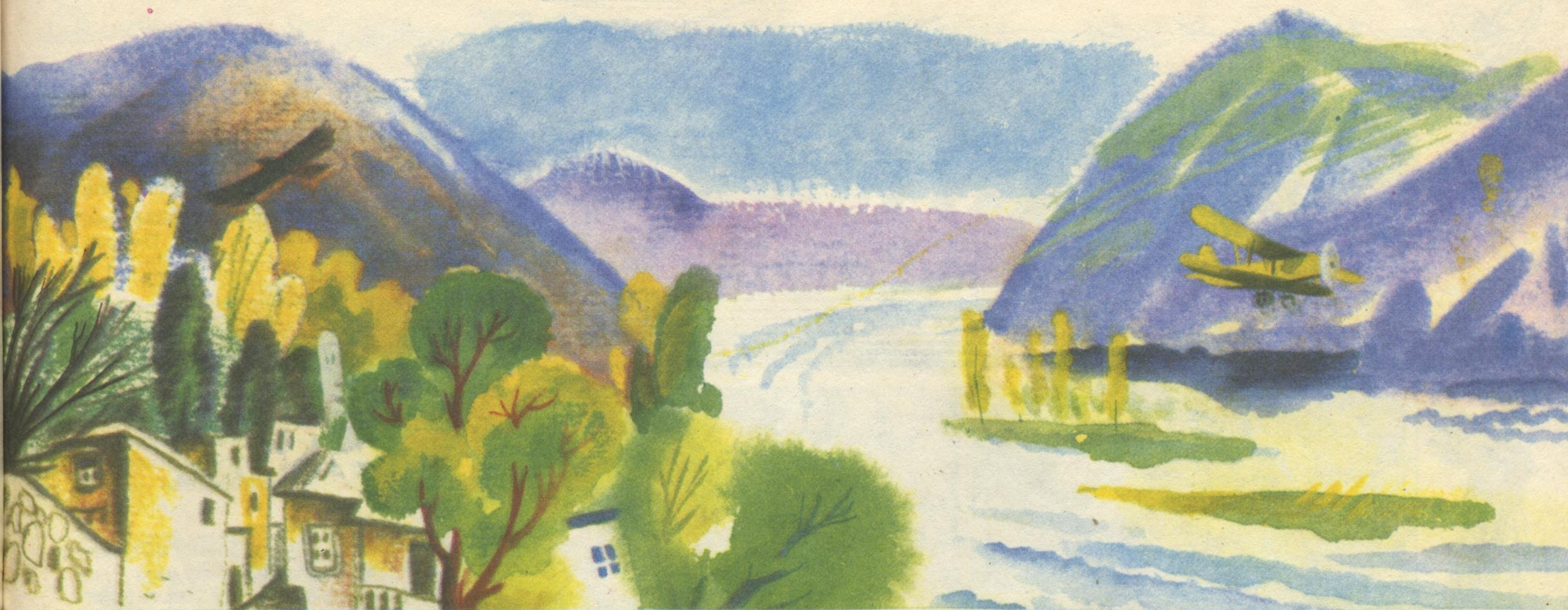
Лодка протекала. Кому-то приходилось постоянно выгребать консервной банкой лужу со дна.

На острове стояло всего несколько домов на порядочном расстоянии друг от друга.

Весною над островом разносился треск тракторов. Все жители от мала до велика пропадали на теплой пашне, собирая лекарственные корни лакрицы и воздвигая из них горы. Затем, погрузив их на баржу, отправляли в город на переработку, а вспаханное поле засеивали бахчевыми, которые не требовали особого ухода. К середине лета всюду на острове валялись огромные арбузы в кроваво-красных трещинах, пахучие дыни и тыквы.

У бабушкиного брата было двенадцать сыночек и две дочери. Многие сыновья имели своих сыночек и дочерей. Но жили все одной семьей, вместе: зимою в мазанках, летом в таких же, как и мы, круглых тростниковых хижинах. У них

*Катлама — лепешка.

были свои огороды, коровы, бараны, собаки, кошки, охотничьи ружья, крупные крючки для ловли больших сомов.

По вечерам всем было приятно вместе собраться под открытым небом. После духоты и хлопот дня люди неторопливо беседовали о хозяйстве, о предках, делились новостями.

Затем над головой появлялась туча голодных комаров. Тогда вокруг расставляли ведра с тлеющим кизяком. И едко-сладкий дым отгонял «хищников».

Спать уходили в хижину. Хижина, которую выделяли нам с бабушкой, стояла посередине. От рогож и подстилок пахло сырой землей. Еще пахло близкой рекой. Стрекотали цикады, и откуда-то издалека долетал вой шакалов. В неприкрытые двери заглядывало близкое южное небо с крупными ясными звездами, которым бабушка давала интересные названия: Весы, Семерка, Путь Белой Верблюдицы.

Однажды ночью я неожиданно проснулся от шума воды, криков, плача, отчаянного лая собак, топота убегающих прочь зверей, запаха рыбы и водорослей.

— Бабушка, наводнение! — вскрикнул я, поняв вдруг, что это такое.

Перепуганная бабушка вцепилась в меня и потащила к выходу. Гости и сыновья старика, по пояс в воде, в панике, спасая свою жизнь, мчались к возвышению недалеко от дома.

Все произошло в считанные минуты. Малое промедление угрожало бедой.

Вода достигла подбородка. Бабушка держала меня на руках и чем выше подымалась вода, тем выше она меня подымала. Руки сильно дрожали, я видел бабушкины перепуганные глаза. Но вот чьи-то сильные руки схватили меня, куда-то понесли, и я почувствовал под ногами сухой, теплый песок. Я боялся открыть глаза. В ушах шумело и шумело. Так прошла ночь.

Утро поразило меня. Солнце невыносимо пекло. Нас окружала безбрежная, успокоенная вода. На ней плавали щепки, бревна, тряпки, бараньи шкурки, корыта, тыквы — чего только не плава-

ло! Купола хижин выступали из воды, как опрокинутые тюбетейки. На них сидели кошки и крысы.

Все в полном сборе сгрудилось на клочке земли, словно робинзоны: были тут и пес, и наши ослы, и козы с мокрыми бородками.

Вскоре после войны над городком появились аэропланы. И мы с бабушкой теперь в гости летали. Самолеты были транспортные — не имели даже сидений, но сам пятиминутный полет был для нас немалым удобством. Мы присаживались на корточки в багажнике. Над нами захлопывали застекленный люк, через который мы любовались небом. Потолок висел так низко, что взрослым приходилось сидеть, втянув головы в плечи.

Над рекой самолет словно останавливался и камнем падал вниз. Мне становилось страшно. Я ждал, когда мы врежемся в реку. Но самолет стучался брюхом о что-то твердое, мне казалось — о верхушку корявого тутовника, и не погружался в воду. Я удивлялся, что в реке может расти дерево. Потом внизу показывались спичечные коробки домов, и я успокаивался.

Бабушка носила большой марлевый платок. Это была ее собственная мода, она считала, что марлевый платок хорошо охлаждает в жару. В один из наших «рейсов», когда крышку захлопнули, платок защемило, и добрая его половина осталась за бортом. Летчики, большие шутники, так и оставили. Во время полета они все время хохотали.

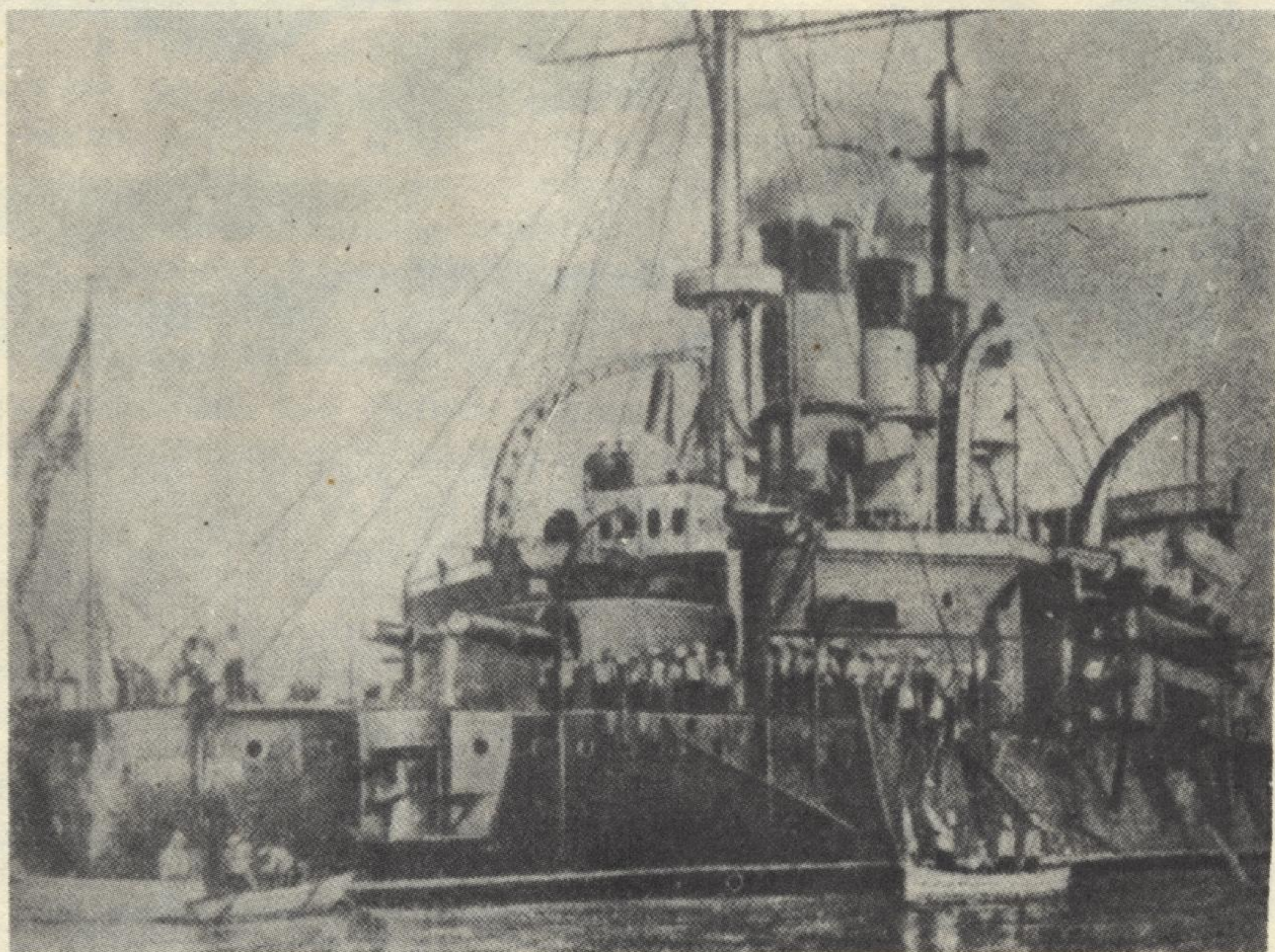
После выяснилось, что смеялись они над платком, реявшим над самолетом, как какой-нибудь небесный парус. И жители на обоих берегах это увидели. Люди тогда любили смотреть в небо, услышав рев аэроплана, выбегали из дому, бросали кетмени, роняли тюбетейки. Все увидели белеющий над самолетом бабушкин платок и всем было смешно. Смеяться уже всем хотелось, тяжелые дни войны ушли в прошлое. Потом на каждом шагу над бабушкой подшучивали. А я думал: впервые переправились мы на тот берег не в парусной лодке, а хоть и самолетом, но все равно под парусом!

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. Попова
Год издания 24-й

Броненосец „Потемкин“, фото 1904 года

НАШ КАЛЕНДАРЬ

75 лет назад на броненосце царского флота «Князь Потемкин-Таврический» был поднят красный флаг. Взбунтовался корабль, сильнейший на Черном море. Такого еще не бывало...

Но потемкинцам пришлось трудно. Броненосец не получил поддержки эскадры: офицеры были начеку и не дали командам других кораблей присоединиться к «Потемкину».

Без угля, без продовольствия, без воды мятежный корабль ходил из порта в порт, пока матросы не решили уйти в Румынию и там разоружиться. В руки царских адмиралов «Потемкин» так и не сдался...

Непобежденной территорией революции назвал Владимир Ильич Ленин этот корабль.

Лента с бескозырки

В 1944-м Советская Армия освободила от фашистов Румынию. В одной деревенской хате остановились переночевать наши солдаты. Хата была бедная: стол, ларь с посудой да лавки вдоль стен. В углу — несколько потемневших от времени икон. Одна перетянута черной лентой. Кто-то из солдат пригляделся: вроде бы матросская лента с бескозырки... Подошел поближе — точно! И совсем уже с удивлением прочитал надпись — название корабля: «Князь Потемкин-Таврический». Легендарный «Потемкин»!

Решили тогда узнать у хозяев, как же к ним попала эта лента.

Старик-румын рассказал:

— Было это давно, лет сорок назад... Я еще был молодым. Поселился у нас матрос, русский, с того самого, с броненосца «Потемкин»... Хороший был человек. И трудолюбивый, и душевный. В России-то у него остались родные, семья. Он очень тосковал. Только назад ему ходу не было. Царские власти матросов с «Потемкина», если те возвращались в Россию, ловили и ссылали на какому-то торговлю...

Так и жил матрос у нас до семнадцатого года. Потом узнал, что в Рос-

сии революция и царя свергли. Начал собираться домой, к своим, на родную сторону.

Мы с ним крепко сдружились, но делать нечего. Он уехал. А на прощание подарил мне самое, что у него было, дорогое — ленту с бескозырки...

— Я хранил много лет. Дарю вам. Для меня — память, а для вас, вижу, дорогая реликвия...

Офицер тот остался жив, дошел до Берлина. И ленту сохранил. После войны передал ее в Центральный военно-морской музей. Оказалось, что такая лента — большая редкость!

А матроса того я звал Женя, Евгений.

Утром солдаты собрались в путь — наступать дальше, на запад. Хозяин их накормил-напоил чем мог, а потом снял с иконки ленту, подошел к старшему, к офицеру, да и отдал ее. И сказал:

Потому что после восстания на «Потемкине» царь велел и корабль переименовать и все такие ленты с надписью «Князь Потемкин-Таврический» уничтожить.

А фамилию матроса потом смогли установить точно: Евгений Резниченко, комендор.

ИСТОРИЯ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В РАССКАЗАХ И КАРТИНКАХ

ПЕРВЫЙ «ПОДВОДНИК»

Легенды рассказывают, что греческий полководец Александр Македонский велел построить стеклянное судно, чтобы опускаться в нем на морское дно. Такое судно, похожее на большую бочку, было построено.

Бочка Александра еще мало походила на подводную лодку, но его самого можно назвать первым подводником-исследователем: Александр наблюдал под водой морских животных...

Согласно описаниям, бочка была прикована цепью к днищу корабля и погружалась на глубину 90 метров.

На французской миниатюре XIV века можно видеть это сомнительное историческое событие. Почему сомнительное? В те времена технически было невозможно изготовить такую стеклянную бочку.

«МОЛНИЯ МОРЯ»

Пожалуй, что подводной лодкой можно считать корабль, который в 1654 г. показывали на ярмарке города Роттердам. Изобретатель назвал корабль «Молния моря» и утверждал перед изумленной публикой, что его «Молния» может потопить

пить десятки кораблей, тараня их окованным медью носом.

Хроники тех лет поведали нам, что «Молния моря» был большим кораблем длиной около двадцати метров и высотой более трех! Настоящий подводный корабль, если только он действительно был подводным!

Описаний плаваний, к сожалению, чертежей и рисунков корабля не сохранилось. Наш художник попытался нарисовать его таким, каким он себе его представил.

Продолжение следует

ОТВЕТ НА ФОТОЗАГАДКУ

Смотри «Костер» № 5, 1980 г.

Человек в наушниках — механик современного теплохода. Почему же наушники? Потому что шум от работы главного двигателя очень сильный. Еще бы! Машина мощностью в 9000 лошадиных сил! Чтобы беречь слух, нервы, здоровье тех, кто работает у главного двигателя, и придумали наушники — от шума.

Человек в наушниках — Михаил Иванович Бородачев. Он работает на теплоходе «Инженер Мачульский».

САМАЯ ОПАСНАЯ

Самой опасной из ядовитых морских животных следует считать небольшую кубомедузу хироникс — «морскую осу». Смерть от ожога этой медузы у человека может наступить через полминуты... Обитает «морская оса» в тропических водах.

В морях нашей страны живут многие виды медуз. Черноморские виды совсем неопасны, но в водах Северного Ледовитого океана и в наших дальневосточных морях встречаются медузы, трогать которых даже на берегу нельзя! Одна из таких опасных медуз — цианея, другая — гонионема, или крестовик. В лучшем случае ожог этих медуз может закончиться для человека долгой болезнью.

Наш художник нарисовал медуз разных видов. Слева — безвредные, справа — опасные.

ГЛУБОКО-
ВОДНАЯ
МЕДУЗА

КОРНЕРОТ

АУРЕЛИЯ

КВЕРМЕАУЗА

ЦИАНЕЯ

ГОНИОНЕМА

В ПОИСКАХ ЖАР-ПТИЦЫ

(Смотри стр. 34)

Ребята рисуют тенистые рощи Михайловского, раздумчивую Сорочь, пейзажи Тригорского, Петровского, Святогорского монастыря, иллюстрации к произведениям Пушкина, эскизы костюмов его героев. Псковская земля была для поэта родной. Здесь жили его предки, здесь прошло много печальных и радостных дней его жизни. Пушкину была близка природа и люди этого края.

Псковщина — край, воспетый и любимый Пушкиным, земля, принявшая его прах.

Вот гравюра братьев Коленициных — «Мимо острова Буяна». Если присмотреться к городу на острове, можно сказать, что в своей фантазии ребята шли от старой архитектуры родного города, его каменных стен, башен, церквей. Алеша и Саша сделали целый цикл пушкинских гравюр. У этих гравюр интересная судьба — они поехали в Москву на выставку детского творчества, которую организовал Пушкинский музей. Необычной была первая премия выставки — гравюра с портретом Александра Сергеевича Пушкина, сделанная с оригинальной печатной формы современника Пушкина — гравера Николая Уткина. Эту премию братья Коленицины увезли в Псков.

Юные художники перечитывают Пушкина, заучивают наизусть. И вот появляется длиннобородый карлик с крючковатым носом — Черномор. Лежит у окна мертвая царевна, а за окном нежный неяркий псковский пейзаж. А это скупой рыцарь — безумные глаза, в дрожащей руке свеча.

Алла Шикун выбрала для иллюстрирования сложное произведение — «Моцарт и Сальери». Решила нарисовать Моцарта за роялем, а рядом бледного Сальери. Но тут перед Аллой встало много вопросов. Как одеть героев? В пиджаке Моцарта не нарисуешь. Совре-

менную мебель не поставить в комнату Сальери. А за окном должна быть Вена восемнадцатого столетия. Какая она?

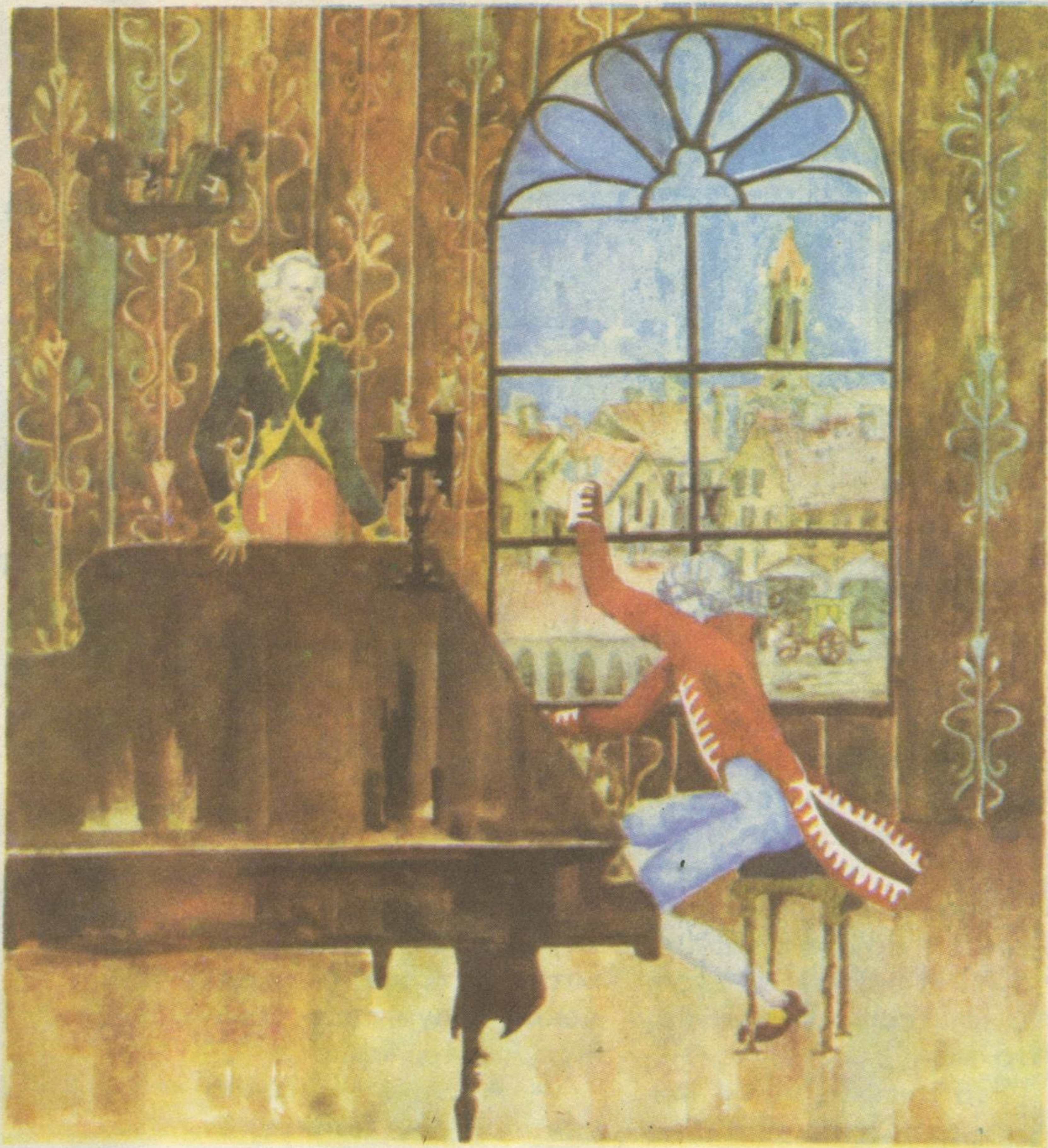
Пришлось идти в библиотеку, пересмотреть разные книги и сделать зарисовки старых костюмов, мебели, домов. Одной фантазии оказалось недостаточно: чтобы хорошо фантазировать на бумаге, нужно многое знать.

Люда Ланина задумала декоративное панно: восемь иллюстраций к сказкам Пушкина, а в центре — жар-птица.

— У Пушкина нет жар-птицы, — засомневался Олег Николаевич. — Нарисуй золотого петушка.

— Нет, нужна жар-птица. Мне трудно объяснить, почему. Она — символ.

— Символ чего? — спросил

учитель. — Поэзии? Творчества? Фантазии? Что ж, пожалуй...

Вы видели когда-нибудь жар-птицу? Разумеется, нет. Ее никто не видел — эта птица из сказки.

— Должно быть, она огненно-рыжая, а часть перьев золотая, — подсказал Олег Николаевич. — Она похожа на язык пламени.

Люда Ланина, тихая незаметная девочка, внимательно слушала, а на следующий урок принесла готовый рисунок. Ее жар-птица не отличалась яркими красками. Она плыла в танце, наклонив девичий стан, распахнув крылья рукавов, развернув веером юбку. А шея и голова у нее были лебединые.

— Хорошая птица, — похвалил Олег Николаевич. — А еще мне очень приятно, когда вы уходите от моей подсказки и сочиняете сами. Каждый по-своему.

Посадите двадцать человек рисовать жар-птицу — двадцать птиц слетят с листов бумаги и наполнят класс художест-

венной школы сладким пением. И ни одна птица не будет напоминать другую.

Недавно Люда принесла целую кипу зарисовок полевых цветов. Солнышки ромашек, раструбы колокольчиков, скрученные жгутиком бутоны вьюна, звездочки гвоздик. Эти

цветы вскоре распустятся в ее ярких композициях. А кругом будут удивляться, где Люда видела эти необычные сказочные цветы? Разве такие растут на лесных полянках и в лугах?

Конечно, растут, приглядитесь получше. И немного пофантазируйте.

Е. МАТВЕЕВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

КАК МЫ УЧИЛИСЬ ПРЫГАТЬ

«...Наш 3-б почти весь записался в «Кузнечик», но прыгать мы еще не умеем. То есть умеем, но только «ножницами», а нам хочется прыгать «флопом». И ребята из других классов тоже хотят. Что нам делать?..».

Это письмо написали третьеклассники 25-й нижнетагильской школы. Нужно было выручать наших «кузнечиков», и совет спортклуба командировал меня в Нижний Тагил.

Школа мне понравилась. Большой, светлый спортзал. Есть поролоновые маты, есть стойки. А прыгать ребята не умеют. На тренировку пришли человек пятьдесят.

— Скажите, а кто первый придумал так прыгать — спиной? — спросил меня самый маленький из 3-б, Саша Попович.

— Это было двенадцать лет назад, когда наша сборная приехала в Америку на легкоатлетический матч СССР — США...

Я рассказывал о знаменитом американце Ричарде Фосбери, авторе самого популярного сейчас способа прыжка «фосбери-флоп», и видел, с каким интересом слуша-

ют нижнетагильские «кузнечики» и как они хотят тут же, немедленно научиться премудростям «флопа»...

— А долго нужно учиться? — поинтересовалась Марина Будкина. — Наверно, много месяцев?

— Сегодня научимся...

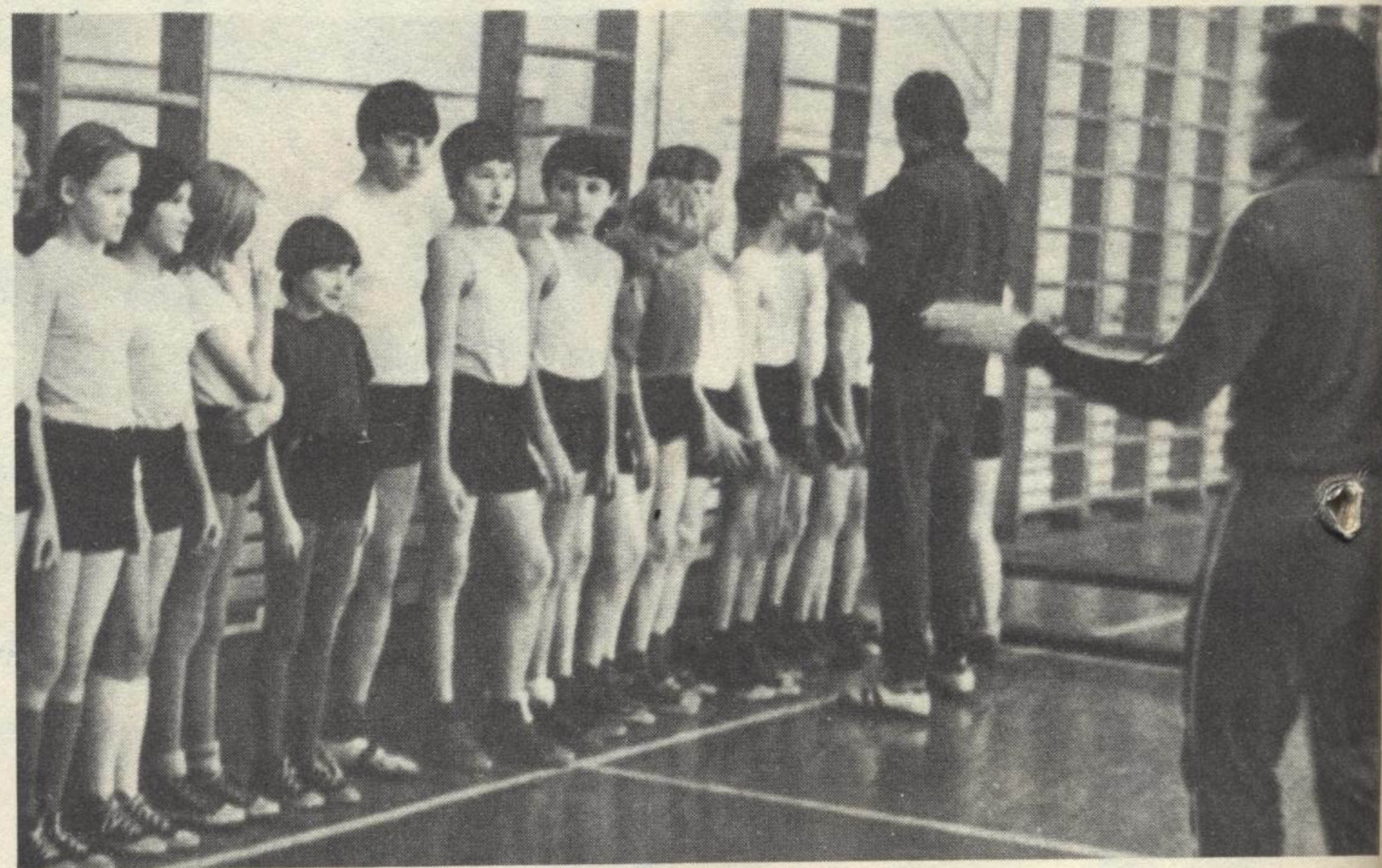
Обрадовались, загалдели, кто-то в ладоши захлопал. После разминки и упражнений на гибкость стали учиться прыгать. Вплотную к матам поставили козел.

— Сначала запрыгиваем на козел, стоя к нему спиной. Затем сразу падаем спиной назад.

Смех, радостные возгласы, веселое постукивание козлиных «копыт» и шелест поролоновых матов.

— А теперь начертим на полу вот такую дугу. Разбегаемся по этой дуге, толчок и запрыгиваем на козел с поворотом корпуса. И снова падаем спиной назад. Ясно?

Они уже стали понимать, в чем тут дело. Некоторые перелетают

козел, не коснувшись его, и прямо приземляются на спину. Заменить козел планкой было несложно...

— Я думал, это очень трудно, — буркнул после тренировки Толя Авдеев. — А это, оказывается, очень просто...

— Нет, Толя, это и в самом деле трудно. Вы пока еще не научились прыгать. Марина права — нужно учиться много-много месяцев.

— Но мы же прыгали!

— Это только первый шаг. А чтобы преодолеть большие высоты, нужно таких шагов сделать сто, двести, триста...

— А кто же нас будет учить? Вы уезжаете...

— Сами научитесь, если захотите. Учитель физкультуры поможет...

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

«...Я хочу рассказать о Кате Смирновой, чемпионке VII летней Спартакиады народов СССР по пятиборью. Мы тренируемся с ней в одном спортзале и она нам очень помогает — указывает ошибки, говорит, как их избежать. Мы очень сильно болеем за Катю и

И я рассказал уральским ребятам о «кузнечиках» из далекого сибирского поселка Вихоревка. О том, как они создали в школе секцию прыжков, как сами шили маты из кусочков поролона, как учились прыгать. И как плакали, когда загорелась школьная кладовая и сгорели их маты

хотим, чтобы она успешно выступила на Олимпийских играх в Москве».

Люба Николаева,
7-й класс,
Рыбинск

«...Наш тренер говорит: перестаньте ходить, научитесь прыгать. Поэтому мы не ходим в магазин, а бежим. Чтобы подняться на 4-й этаж, мы не идем, а прыгаем. Это здорово помогает нам, но недовольны соседи. Потому что с бутылка-

и как они снова пошли на мебельную фабрику, и директор сжалился — снова дал обрезки поролона... И о том, как девять школьниц из маленького поселка стали победительницами олимпийского конкурса и вошли в сборную команду «Кузнечика»...
Когда я уезжал из

ми молока попробуй попрыгай, наделаешь шума. Но потом они привыкли и теперь даже сверяют часы, когда мы в семь утра выходим на лестничную площадку...»

Галя Пустовитенко,
7-й класс,
пос. Вихоревка

«...Летом я был в спортивном лагере и впервые попробовал прыгнуть с шестом. Взял высоту 3 метра 20 сантиметров. И те-

Нижнего Тагила, ребята пошли меня провожать. А Толя Авдеев сказал на прощанье:

— Мы тоже попадем в сборную «Кузнечика», вот увидите...

— Когда?

— Наверное, через много месяцев. А может, и пораньше...

В. ЖУЙКОВ, тренер
спортклуба «Кузнечик»

перь, я думаю, если измена не получится прыгуна в высоту, перейду на шест...»

Андрей Мешакин,
8-й класс,
Калуга

«...Я стала прыгать в длину в третьем классе. Результат был очень низкий. Тренировки казались скучными, но я все равно занималась. Сейчас я прыгаю за пять метров. Наверно, это потому, что я сумела преодолеть себя...»

Наталья Яковлева,
Московская область

Тренировка

Занятие ведет
заслуженный мастер спорта,
старший тренер сборной СССР
по прыжкам в длину,
член совета спортклуба «Кузнечик»
И. ТЕР-ОВАНЕСЯН

Прыжковые упражнения занимают важное место в тренировках. Ведь нам нужно на полной скорости подбросить свое тело как можно выше. А это можно сделать только в том случае, если мышцы ног будут достаточно сильными.

Сначала определим свою прыгучесть. Для этого возьмем три результата:

1. Прыжок в длину с места.
2. Тройной прыжок с места.
3. Прыжок вверх с разбега, толкаясь одной ногой.

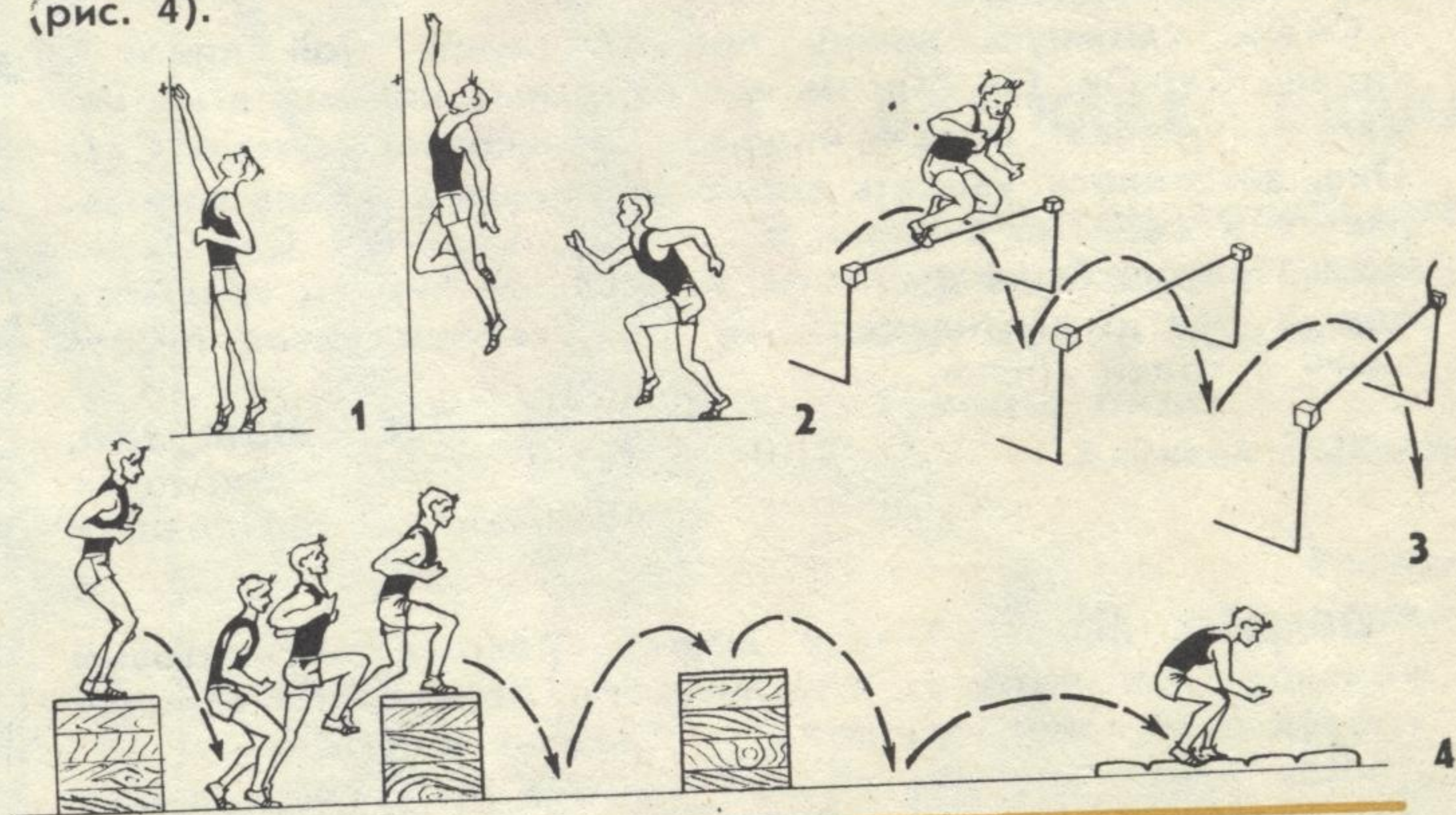
Высоко поднявшись на носок толчковой ноги, сделайте на стене отметку мелом (рис. 1). Затем, сделав небольшой разбег, оттолкнитесь одной ногой и сделайте вторую отметку. Разница в отметках и будет указывать, насколько вам удалось «оторваться» от земли (рис. 2).

Наиболее распространенным видом прыжковых упраж-

нений являются скачки на одной ноге и прыжки с ноги на ногу. Их надо выполнять сериями, по 20—30 прыжков. Полезны и прыжки на двух ногах, так называемая «лягушка». Все эти упражнения можно выполнять на дорожке стадиона, на газоне, на песке, на снегу и т. д.

К особой категории упражнений относятся прыжки через препятствия, чаще всего это барьеры, 5—10 штук (рис. 3).

Наиболее трудным видом упражнений является спрыгивание с предмета высотой до 90 см с последующим впрыгиванием на другой предмет и далее в яму с песком (рис. 4).

СОВЕТЫ СПЕЦИАЛИСТА

Как судить прыжки в высоту?

Участник соревнований по прыжкам в высоту имеет право на три попытки после каждой взятой высоты. Начальная высота устанавливается судьями в зависимости от подготовки спортсменов. Прыжок разрешается выполнять с любого разбега, отталкиваясь одной ногой. Приземляться

можно на любую часть тела. После взятия высоты планку поднимают на пять сантиметров.

Соревнования судят: судья-измеритель и секретарь. Судья-измеритель устанавливает высоту, вызывает участников, секретарь в протоколе отмечает удачные и неудачные попытки.

Г. ЗОНОВ,
судья всесоюзной категории

Если вы еще не успели прочитать новую книгу Юрия Томина «Карусели над городом», то прочитайте скорее. Совсем необычно: вдруг в подвале одной из школ маленького городка на глазах учителя физики и его ученика появляется... пришелец. Пришелец с другой планеты! А что было потом? Если я расскажу, то вам читать будет неинтересно.

*Леня Гаврилов,
город Инта*

В книге Виктора Голявкина «Мой добрый папа» война далеко от города, где живет Петя. Но она и рядом, та страшная война, потому что уходит на войну папа. Мне мама тоже рассказывала, как она провожала на войну своего папу. Они жили в деревне тогда, и она, совсем маленькая, радовалась, что ее папа тоже солдат. Но и ее папа, мой дедушка Артем, погиб на войне, не вернулся, как не вернулся папа из повести Голявкина. Самое страшное в войне это то, что люди не возвращаются.

*Алиса Михайлова,
Симферополь*

Книга Н. Внукова «Слушайте песню перьев» — о трудной жизни индейцев.

Очень сложную жизнь прожил герой этой книги — индеец Сат-Ок. Он был не чистокровный индеец, а метис: мать — полячка, отец — индеец. Станиславе, матери Сат-Ока, захотелось увидеть соотечественников, и она отправляется к себе на родину, в Польшу, вместе с Сат-Оком. Но в Польше были фашисты. И молодой индеец сражался бок о бок с партизанами. А после войны начал писать книги о своей жизни.

*Лена Матузко,
Ломоносов
Ленинградской области*

Обложка книги «Я ищу друга!» похожа на почтовый конверт. Это потому, что писатель Леонид Жуховицкий собрал свои ответы ребятам и издал их книгой.

«Как найти друга?», «Какой должна быть современная девочка?», «А каким — мальчик?» — вот о чем спрашивали ребята. В книге можно найти ответы. Вот как писатель отвечает, например, на вопрос, что делать, если при тебе обижают человека: «Не раздумывай, побьют тебя потом или нет... Защищай слабого!»

А последняя глава нарочно не дописана: вопросы поставлены, а ответов нет. Писатель предлагает нам самим ответить на них, поразмышлять о жизни. И — дописать книгу!

*Лена Пожидаева,
Ленинград*

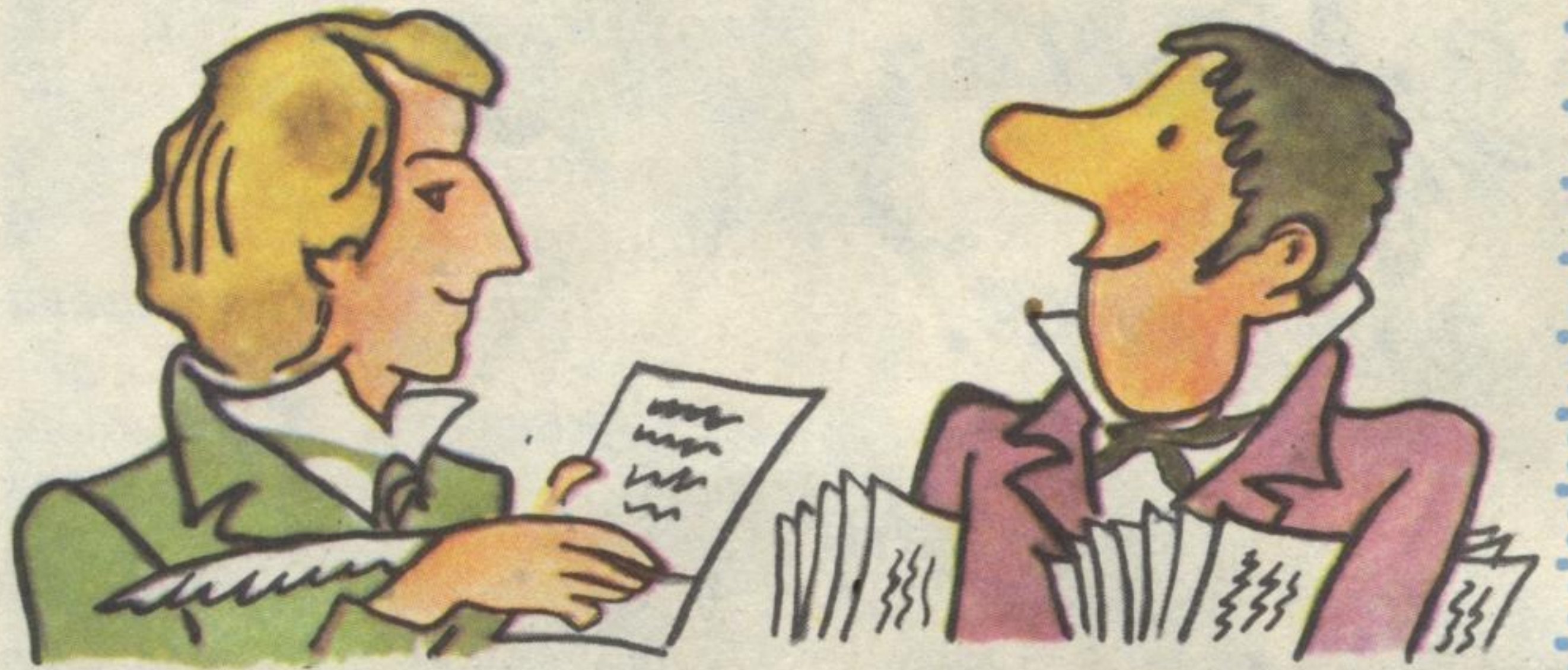
Рисунки Л. Каминского

Посредственный стихотворец поинтересовался у знаменитого немецкого поэта Гейне, сколько стихов тот пишет за день.

— Одно стихотворение, а иногда я трачу на него месяц.

— Я же за день могу написать десяток стихов, — похвастался стихотворец.

— Зато они и живут не больше дня, — ответил Гейне.

Итальянский певец Марио Ланца выступал в провинциальном городке. На афише, среди других произведений значилось: „Брамс, „Кузнец““.

Перед самым концертом к прославленному певцу подошел детина богатырского вида и поднес огромный каравай хлеба.

— Я здешний кузнец и могу сделать более ценный подарок, — пробасил детина, — а вы за это вставьте в свою песенку пару слов о том, что я также чиню радиоприемники и мотоциклы.

Нильс Бор в детстве увлекался футболом. Однажды, когда учитель предложил ему и его одноклассникам написать 11 самых знаменитых людей, Нильс немедленно принялся за работу.

Учитель остановился у его парты в тот момент, когда будущий физик написал уже десять человек из футбольной сборной и дописывал одиннадцатого — вратаря.

ЗЕРНО

Не чудо ль на наших глазах происходит? —
Зерно посадили,
И вот оно всходит.
И вот уже стебель — упруг и высок.
И сверху на стебле — тугой колосок.
Созреет, нальется он солнечным светом.
Смотрите, — не чудо ли? — в колосе этом
Одно
 и другое,
 и третье зерно...
Их десять! Их двадцать!
А было —
Одно.

Влад. ДАНЬКО
Рисунок Ю. Устиновой

УГОЛЁК

СТРАНИЧКИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

ВЕЧЕРОМ И УТРОМ

Лягушонок
На пруду
Лопушком
Прикрыл звезду.
Утром он
Открыть спешит,
Глядь —
Там солнышко лежит.
Лапкой солнце
Взять хотел,
Прямо в воду
Полетел.
Огляделся,
Загрустил:
— Солнце,
Солнышко разбил.
Долго плавал
И нырял,
Все осколки
Собирал.
На кувшинку сел
И глядь —
Солнце
Целое опять.
Василий БИРЮКОВ
Рисунок
Ю. Беломлинской

ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ

Это что за хор?
Чудеса!
Побежали с гор
Голоса...

ВОТ КАКАЯ ЛОДКА

Не опасен лодке крен —
Сдвину лодку набекрень...
Вот какая лодка —
Папина пилотка!
Алексей ШЛЫГИН

Рисунок
Ю. Беломлинской

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЁК»

Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку.

КОСМОНАВТЫ

Смастерили мы ракеты,
Погрузили в них конфеты.
Дали старт,
А взлета нет —
Перегрузка от конфет.
Перегрузку
Вмиг мы съели.
К пульту сели —
И взлетели...

Николай ЕГОРОВ
Рисунок О. Гуриной

2

ПОМИДОР

Жук увидел красный свет:
— Стоп! Пока дороги нет.
Принял жук за светофор
Спелый круглый помидор.

УЛИТКА

Говорит жуку улитка:
— Бегать я не очень прытка,
Но как высуну рога,
Становлюсь страшней быка!

Людмила ДОБРОВОЛЬСКАЯ

СКАЗКА ПРО РОЯЛЬ

Шел по дороге Рояль! Цок! Цок! Цок!
Цок! Цок!

Это был очень несчастный старый рояль.
Он давно искал счастья, и от этого сильно
расстроился.

Все обгоняли его — автомобили, велоси-
педы, пешеходы.

А однажды его обогнал Контрабас. Хотя
у Контрабаса всего одна нога.

Но Рояль совсем не огорчился.

Он считал, что каждый идет к тому, что
его ждет, с собственной скоростью!

Вдруг выходит из дома мальчик.

— Пойдите, пожалуйста! — говорит.

Рояль остановился. Мальчик открыл его,
да как заиграл, как запел!

Подумал-подумал Рояль, и остался у него
жить.

Александр ЛИСНЯК
Рисунок И. Гурина

РАК

Жил-был на свете
Странный рак:
Он очень не любил собак.
Хоть ни одна собака
Не замечала рака.

Алексей КОНДРАТЬЕВ
Рисунок П. Кузнецова

6

3

ОЛИМПИЙСКИЙ-80

Какие боевые задания ждут сегодня разведчиков АРЧЕБЕКА? Это вы узнаете, отправившись в РЕЙД ШЕСТОЙ

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кра8, Кб8, пп.а6, а7, с5, с6, g4; **черные:** Крс7, п.н3.

Б. Белые: Крд8, Ле8, п.н7; **черные:** Кра1, Фг7, Ле3.

Цель разведки: выявить, прочна ли в этих позициях оборона белых — могут ли они спастись?

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: Д.е1, пр.б2, н2; **черные:** пр.е3, ф4, н4.

Б. Белые: е3, g1, н2, **черные:** д6, ф6.

Цель разведки: и в А и в Б определить, могут ли белые, используя свое превосходство, довести борьбу до победы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 16, 21, 24, 33, 36, 43; **черные:** 6, 12, 13, 22, 28, 32.

Б. Белые: 33, 34, 35, 41, 43, 45, 47; **черные:** 5, 10, 13, 14, 24, 25, 31.

Цель разведки: и в А (Алексей Панкратьев, Ленинград) и в Б (В. Монсма, Голландия) «взорвать» укрепления противника и заставить его сдаться.

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«В «Костре» № 8 (1979 г.) была задана позиция (см. диаграмму).

Могут ли белые выиграть? Я ответил, что могут. Вот так — 1. Крf2 Кре7 2. Крf3 Крf6 3. Крf4 — белый король занял оппозицию, а это, как известно из теории, означает, что пешка в ферзи пройдет. Но мне не засчитали очки. Почему?» — спрашивает Костя Лысичев.

В заданной позиции белые, действительно, выиграть могут, однако для этого они должны ходить не так, как предлагаешь ты, Костя, а по-другому: 1. Крг2! Кре7 2. Крн3! Крf6 3. Крн4 Крг6 4. Крг4, и оппозиция белыми занята. У тебя же белый король занял оппозицию лишь потому, что черные неверно отвечали: после 1. Крf2? (ход, упускающий выигрыш) Кре7 2. Крf3 им нужно пойти не Крf6?, а Крf7! Теперь оппозицию — дальнюю — заняли черные, и пешке пройти в ферзи не удастся. Ничья.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь на доске фигуры — белые: Крс1, Кд3; черные: Кра2, п. а3. Знаешь, сколько лет этой позиции? Итальянец А. Сальвио составил ее еще в 1634 году! Он составил ее, чтобы показать, что даже только король и конь могут заматовать вражеского короля, если тому мешает собственная пешка. Итак: найди за белых выигрывающие ходы!

КТО? КТО? КТО?

Как же решаются позиции этого конкурса («Костер» № 12, 1979 г.), и кто получит приз? Сначала о решениях.

№ 1. (Б. Крд6, п. с6; Ч. Крс8). Тут выигрыш — 1. с7 и т. д.

№ 2. (Б. Крд5, п. с6; Ч. Крс8). Здесь белым не выиграть — 1. Крд6 Крд8, и пешку провести в ферзи не удастся.

№ 3. (Б. Крд5, п. с5; Ч. Крс8). Тут выигрыш — 1. Крс6 (можно и

Награждаются разведчики: Алеша Иванчик (Талас), Жанна Карпушкина (Мытищи), Илья Труб (Донецк).

Отличные донесения также прислали разведчики: Сережа Авдонин (Вольск), Люба Астапенко (Могилев), Коля Аликин (Пермь), Сережа Голубев (г. Тольятти), Сережа Климов (р.п. Кузоватово), В. Коротков (Краснодар), Вадим Лушников (с. Большой Ут), Вадим Семенов (Тула), Саша Товстый (с. Лески), Сережа Хренов (с. Гавриловка), ребята из шахматного кружка «Искатель» (с. Шумково) и многие другие.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так:

Олимпийский-80. ШХМ. А. 1. Ла1! Б. 1. Са1! f3 2. Лб2!

РШ. А. 1. b2 c1 2. d2 3. f8 4. g1 5. a3 e3 6. b4X. **Б.** 1. e5! d4 2. gf2 3. e3 4. c7 5. c7 d4 6. b8!X.

МШ. А. 1. 38—32! 2. 43!X. **Б.** 1. 32! 2.21 3. 30X.

Резерву. В два хода — 1. Лг2; в три — 1. Ле2 (или любой другой выжидательный ход ладьей) Крд8 2. Лс3.

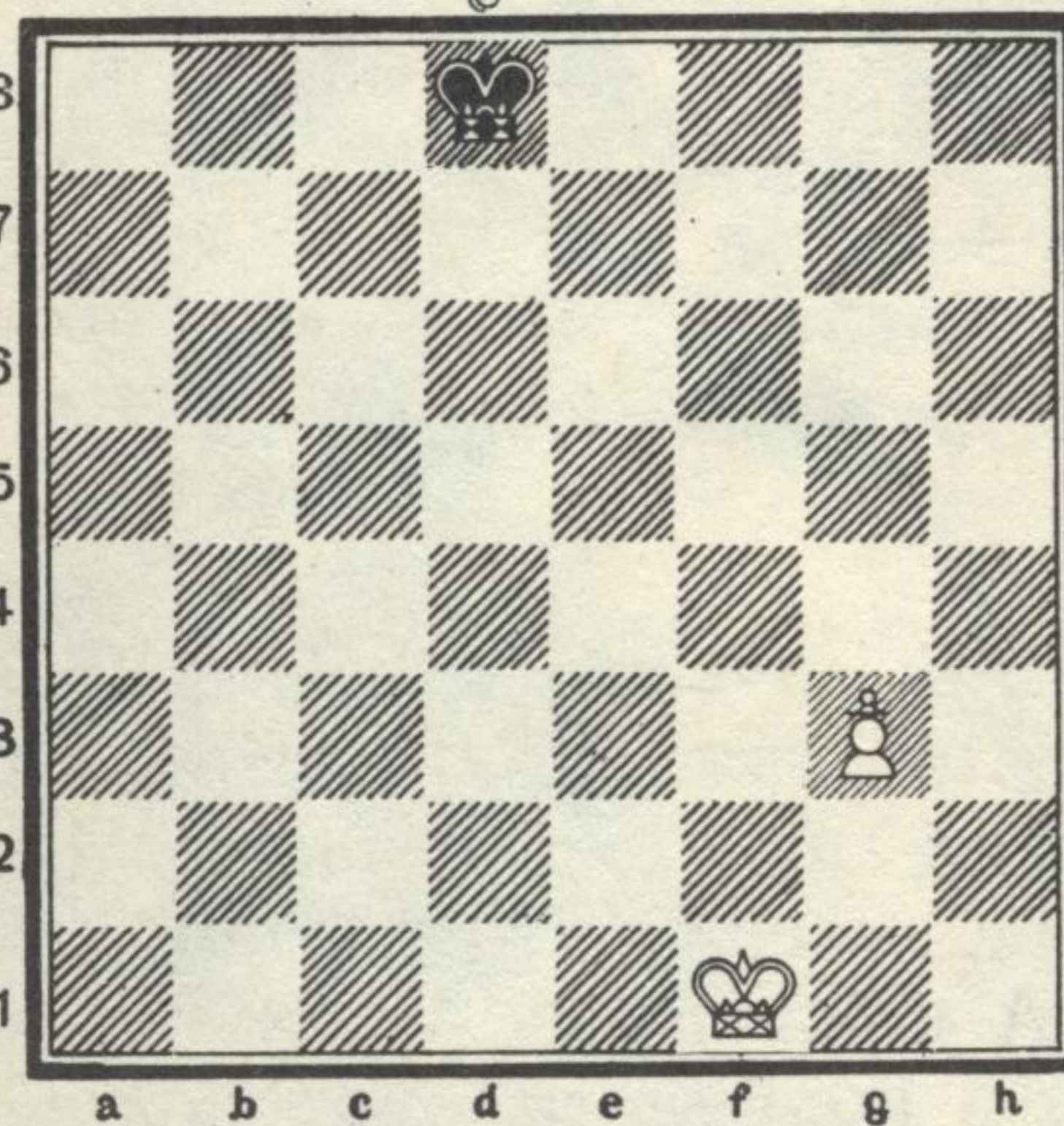
На полигоне. Диаграмма — 1. Кре8! В записи — 1. Лд3! С:d3 2. Лф4!

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем архебековцам отослать рапорты по шестому рейду до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

1. Крд6; но плохо 1. с6? Крс7 с ничьей) Крб8 2. Крд7 и т. д.

№ 4. (Б. Крд5, п. с5; Ч. Крс7). Здесь белым не выиграть — 1. с6 Крс8! 2. Крд6 Крд8, и пешке ферзем не быть.

№ 5. (Б. Крд5, п. а5; Ч. Кра8). Ладейная пешка, если вражеский король стоит на ее пути, в ферзи не проводится. Ничья.

С Е Н О К О С

С. БАБЕНКО

В лугах сейчас пахнет мятой, чебрецом, скошенной травой и медом. Май в нашем крае начало сенокоса. Время разлива алого половодья цветов, птичьих песен.

Май зажег землю горячим цветом всех оттенков и оттого не отвести от нее веселого взгляда. Солнце опьянило горячую кровь перепелов, разожгло их страсти, и они целыми днями, с рассвета и до позднего вечера, призывно зовут в клеверниках своих подруг на свидание. В небе, точно серебряный звон ручейка, журчит трель жаворонка.

Пора сенокоса.

Май грозен и переменчив. Не смотри, что раздолье кругом и дух захватывает от красоты весенней. У нашего мая семь погод на дню. Проснешься утром — ласков восход, ясен. На небе ни облачка. Румян небосвод. А пока бегал к речке сон прогнать, с зеленого луга поднялось невесть откуда взявшееся сизое облачко, скорее похожее на утренний туман в низинках, чем на облачко, и поплыло над землей навстречу солнцу. К нему присоединилось другое такое же, потом еще и еще. В четверть часа потемнел горизонт над горами.

И вдруг грянет дождь. Да такой припустит, что ни пройти, ни проехать. А то бывает: с громом и молнией так полохнет, что земля содрогнется. Короток майский дождь, а поля умоет. Да так, что еще ярче, еще праздничнее зазеленеют травы, заполыхают цветы и небо чище и голубее станет.

После дождя — земля именинница, говорят в народе. Хлеба, травы, цветы утолили жажду.

Земля помолодела, освященная дождем. отяжелевшие травы просятся под косилку.

Пора сенокоса.

Почти в рост человека вымахал житняк за околицей. Колосится метелка, волнуются на весеннем ветру люцерники, нежно голубеют в травах незабудки, васильки и темно-синие колокольчики, цветет пырей, костер безостый, наливаются зерном хлеба.

Май неповторим по своей красоте у нас на юге. Его не спутаешь ни с каким другим месяцем года.

Май — праздник в природе.

Праздник. У каждого во дворе. В саду наливаются соком яблоки, вишни, урюк, сливы, порозовела черешня на деревьях, спеет на огороде клубника. И такое буйство трав, что они, вымахав в сажень, выглядывают из-за ограды, распространяя вокруг нежные запахи весны.

Цветет по берегам рек, озер и у родника шиповник. И такой дурманящий запах стоит в низинах, что голова кружится. Медово-сладкий запах акации еще обворожительнее и нежнее, еще гуще и тревожнее.

У всех на языке в эти дни одно слово — сенокос.

У всех одна забота — быстрее убрать травы, чтобы они не перестояли.

Все — на сенокос.

В луга.

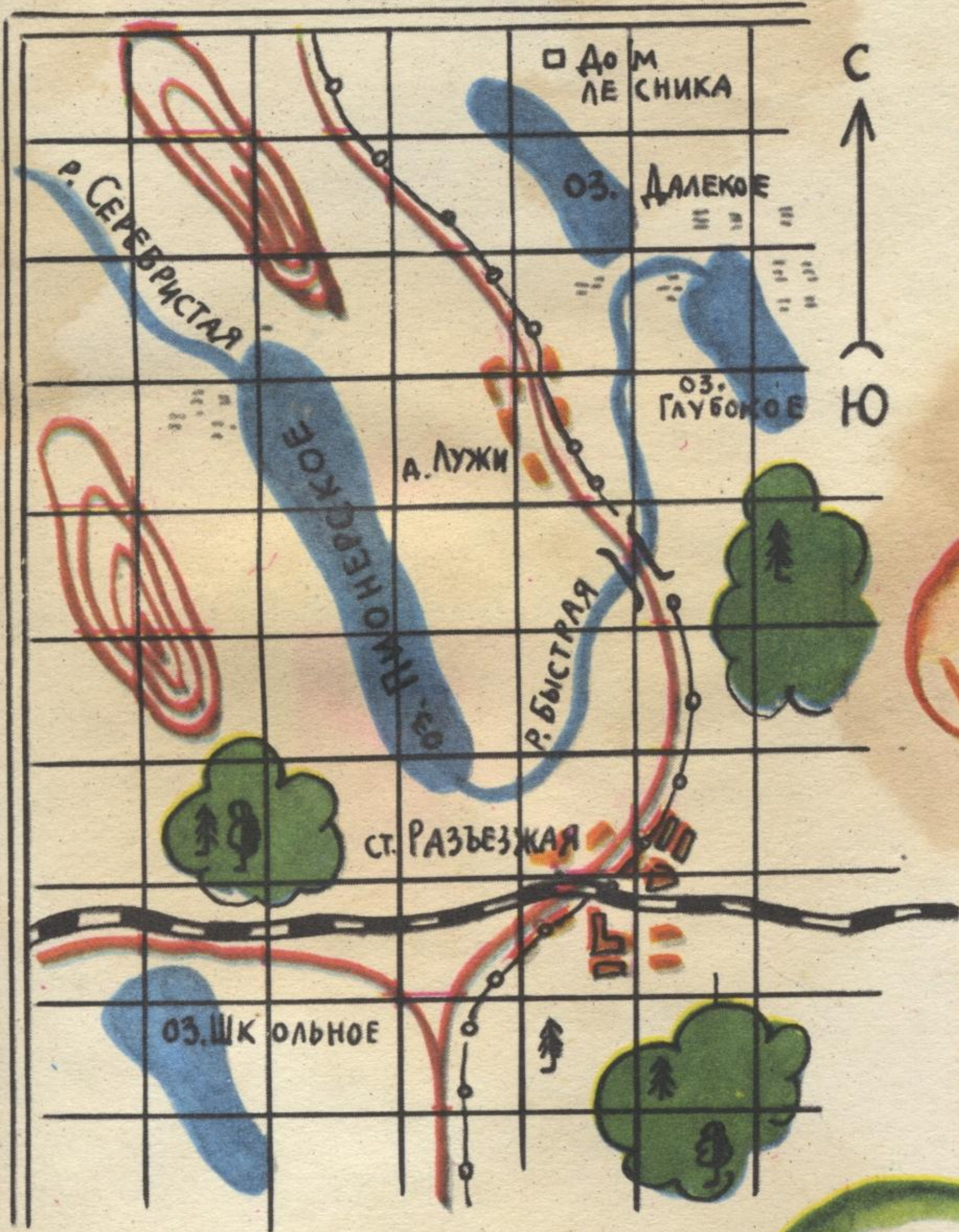
Туда, где пахнет мятой, чебрецом, скошенной травой и медом.

Рисунок С. Яковлева

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Наступило лето — пора путешествий. Разгадайка и члены клуба «За семью печатями» решили отправиться в поход по Карелии — стране тысячи озер. Миллионы лет назад ледник, сползая с гор, оставил здесь следы. Изучая карту местности, Разгадайка заметил их.

Какие это следы?
В каком направлении двигался ледник?

Кроссворд «География» Миши Кукина из города Николаева.

По вертикали: 1. Самый западный областной центр РСФСР. 4. Североирландский город. 5. Порт в устье реки Северная Двина. 9. Город в Италии. 10. Река в Европе. 13. Город на острове Ява.

По горизонтали: 2. Море в СССР. 3. Город в Великобритании. 6. Река во Франции. 7. Столица государства. 8. Спортивное судно. 11. Порт на Неве. 12. Город в Крыму. 14. Часть океана, обособленная суши. 15. Коралловый остров. 16. Город в Венгрии. 17. Страна в Европе. 18. Остров в Индонезии.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5

Обратите внимание на такую деталь: справа на картине изображено пасущееся стадо. Это может быть только ранним утром, так как вечером еще до захода солнца пастух пригоняет стадо в деревню.

Чайнворд: 1. Джоконда. 2. Александров. 3. Волков. 4. Вучетич. 5. Чаплин. 6. Нежданова. 7. Аида. 8. Алябьев. 9. Верди. 10. Истомина. 11. Аккорд.

Кроссворд по вертикали: 1. Рабле. 3. Фикус. 4. Носов. 6. Капитан. 7. Горилла. 10. Бак. 11. Час. 14. Неман. 15. Порох. 18. Кабул; по горизонтали: 2. Чад. 5 Миллион. 8. Казус. 9. Город. 12. Залив. 13. Мираж. 16. Манеж. 17. Рояль. 19. Марафон. 20. Лук.

ИЛИ
ГАНГ
НЕМАН
ВОЛЖА
ОГУКОКО
АЗАМОЖКА

В МУЗЕЙ ГОЛОВОЛОМОК.

Эту голубую пирамиду составила из названий рек Аня Потрясова (город Чу Джамбулской области).

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Л. В. ВОРЧЕНКО

Рукописи и фотографии не возвращаются. Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-93-84

М-35661. Сдано в набор 05.02.80 г. Подписано к печати 07.05.80 г. Формат 60×90^{1/8}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7. Печать офсетная. Тираж 736 000 экз. Заказ 357. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

9-42

ТВОИ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

Эти марки интересны тем, что прислали их в редакцию читатели «Костра».

Люда Рошинская из Печоры, Олег Сергеев из Волгограда, Галя Зайцева из Уфы, Костя Хомяков из Ленинграда — все они начинающие коллекционеры, и любят не только собирать марки, но и изучать их.

Спросите в библиотеке определитель марок,

каталог «Почтовые марки СССР». Там даны изображения всех выпущенных марок. Научиться пользоваться каталогами нетрудно. Ответ на сложные вопросы можно получить в кружке при ДOME пионеров или в Обществе филателистов. Настоящие филателисты всегда охотно расскажут о своей коллекции, научат, как сделать красивый и удобный альбом для марок.